

63. 3/2/722/2953-46en/

р 27

50
КЕМЕРОВСКОЙ
ОБЛАСТИ

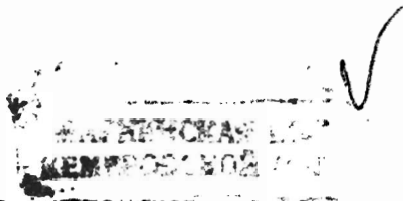
ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ...

63.3/2/722/2413-
40004
В27

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТ- ВЕННАЯ...

37638

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИТОМСКОЕ»

КЕМЕРОВО

1992

Кемеровской области 50 лет

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ...

Петр Ворошилов

Сибирские стрелковые

Виль Рудин

Солдат божьей милостью

Читателей предлагаемой серии книг информируем, что администрация Кемеровской области и малый Совет областного Совета народных депутатов приняли специальные постановления о подготовке к полувековому юбилею области.

В соответствии с принятыми документами через областное отделение общества охраны памятников истории и культуры открыто финансирование юбилейного издания книг, выделены средства на реставрацию памятных знаков трудовой славы кузбассовцев, памятников промышленной архитектуры.

От составителей

Книгой «Великая Отечественная...» открывается задуманная нами юбилейная серия публикаций под общей рубрикой «Кемеровской области — 50».

Этот выбор сделан не случайно. Кузбасс, как крупнейший за Уралом индустриальный комплекс России, получил административно-хозяйственную самостоятельность 26 января грозового 1943 года, приняв на себя тяжелейшую ношу одного из главных поставщиков броневой и оружейной стали, угля и леса, без которых была немыслима оборонная промышленность. Здесь снова встали на ноги эвакуированные машиностроительные и химические производства, снабжавшие фронт пушками и минометами, снарядами и патронами.

На январь же 1943 года пришлось и ратные подвиги наших земляков, беззаветно сражавшихся с ненавистным врагом. 26 января под Сталинградом удалось разорвать надвое зажатую в кольцо 6-ю немецкую армию, и сибирские дивизии сыграли в этом решающую роль. В этот же день широко развернулось начатое еще в январе наступление трех армий Воронежского фронта на Касторную, и здесь 303-я Кузбасская стрелковая дивизия была на острие главного удара. Документальный очерк писателя П. Ворошилова о прославленной дивизии, в составе которой пошли в бой 16 тысяч парней и девочек из городов и сел нашей области, никого не оставит равнодушным.

О необычайной судьбе кузнецанина Николая Григорьевича Ушакова рассказывает писатель В. Рудин. В сражении на Курской дуге он потерял правую руку. Однако верный долгу российского офицера вернулся в строй, вступил в командование гвардейской минометной бригадой, воевал в Белоруссии и Польше, форсировал Вислу и Одер, штурмовал рейхстаг, стал Героем Советского Союза и генералом.

Виль Рудин

СОЛДАТ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ

Документальная повесть

ОТ АВТОРА

Согласитесь, не часто так бывает, чтобы выросли в одной семье два брата и оба стали генералами — именно это меня прежде всего поразило, когда я в Новокузнецком краеведческом музее много лет назад увидел стенд, посвященный братьям Евгению и Николаю Ушаковым.

Их отец, Григорий Ушаков, в молодые годы промышлял в шорской тайге старательством, после от тяжелого и опасного промысла отошел, занялся извозом. Хозяин он был строгий и степенный, огромную свою семью — имел трех сыновей и семь дочерей — держал в строгости.

В 1915 году его мобилизовали в армию как ополченца второго разряда, а через два года он вернулся в Кузнецк совсем хворый, год болел и в июне 1918 года скончался.

Николай Ушаков, о котором эта книга, в ту пору парень ладный и сильный, глянулся мастеру кирпичного завода в Садгороде, и там он проработал до декабря 1919 года.

После разорения Кузнецка отрядом Рогова и Новоселова, насмотревшись, как грабили и мародерствовали «партизаны», Николай вступил в добровольческую команду, созданную Кузнецким ревкомом, с этой же командой вошел в состав 312-го полка Красной Армии.

В 1920—1921 годах Николай был рядовым: нес охранную службу по Кузнецку, участвовал в боевых

столкновениях с отрядом все тех же Рогова и Новоселова, когда они в мае 1920 года попытались прорваться по Тогульскому тракту в Кузнецкую котловину.

Тогдашние газеты клеймили Рогова и Новоселова как анархистов, не признающих «никакой власти, даже власти рабочих и крестьян», но для Николая Ушакова самым главным было — не допустить повторного разорения едва пришедшего в себя Кузнецка, не допустить новых пожаров, убийств и ограблений.

И одно качество открыл в себе Николай: при приближении опасности ни холодка в груди, ни волнения в крови он не ощущал. Чем ближе была опасность, тем спокойнее он становился, видел острее, зорче. Быть может, в свои девятнадцать лет он еще не знал, что армейская служба и есть его призвание, но в сентябре 1921 года он подал рапорт и откомандирован был в Томск, в 6-ю артиллерийскую школу.

За два года Николай Ушаков прошел полный курс артиллерийского офицера. Школа сохранила опытные преподавательские кадры из полевых офицеров еще царской службы, и Ушаков словно играючи, без натуги и зубрежки усвоил все премудрости: привязка к местности огневых позиций, НП и КП; стрельба прямой наводкой и с закрытых позиций, по ориентиру, который у артиллеристов называется «репер». В программу были включены баллистика, материальная часть, теория боеприпасов, теория стрельбы и искусство управления огнем батарей, дивизионов и артиллерийских групп.

На боевых осенних стрельбах 1922 года оказалось, что Николай Ушаков у орудия может стать и за наводчика и за заряжающего, и на подачу снарядов: у него были зоркий взгляд, сильные, неутомимые руки, и гимнастерка на плечах потом не покрывалась...

Того, что усвоил Николай Ушаков в эти два года, хватило ему на всю жизнь и на все четыре года страшной войны. Военное будущее теперь казалось Николаю ясным и несомненным, и сам он ощущал в себе склонность и огромное желание отдать себя именно военной службе. Но в 1923 году, в январе, 6-я Томская артшкола в связи с переводом всей Красной Армии на штаты мирного времени была расформирована, и Николай Ушаков попал под увольнение.

До апреля 1924 года он работал в Щегловске, инструктором Томского губсельхозсоюза, однако, едва

представилась возможность, запросился у уездного военкома Мащенко на армейскую службу, и был призван в 9-ю отдельную роту ЧОН, которая располагалась на Кемеровском химзаводе и входила в состав 3-го Кольчугинского батальона Первого коммунистического Томского пехотного полка.

Армейская служба захватила Николая целиком: в роте он сразу был назначен командиром взвода и самозабвенно занимался с новобранцами. По возрасту он был им равен, но он уже познал вкус службы и во всем, что касалось военного дела, был всех их грамотнее. Затем начальство переместило Николая — он стал командиром полубатареи. Хлопот сразу прибавилось: думай о людях, учи артиллерийскому делу! И чтобы кони были исправны! Пехота после учений, почистив винтовочки, укладывается спать; артиллерист вернется с учений, почистит пушки, почистит коней, задаст сена... Пехоте команда «подъем!», артиллерист еще и спать не ложился...

За этот год, с апреля 24-го по февраль 25-го, Кемеровская рота ЧОН в боевых действиях не участвовала — воевать было не с кем. Мирная обстановка в Сибири поставила вопрос: для чего нужны части особого назначения?

В феврале 1925 года рота была расформирована. Николай Ушаков во второй раз попал под демобилизацию.

Десять лет он был скромным бухгалтером — сначала в Щегловском окружном отделе народного образования, потом перебрался с Лизой, молодой черноглазой женой, в Орджоникидзе, к ее родителям. В Орджоникидзе он стал главным бухгалтером горкоммунхоза, здесь же прошел трехмесячную переподготовку артиллерийского командира.

Великий час возвращения на кадровую армейскую службу пробил для Николая Григорьевича весной 1935 года: он был вновь призван и назначен в Новороссийск, в арtpолк 74-й стрелковой дивизии.

В свои тридцать три года он был всего лишь лейтенантом, но знал совершенно точно, что звания — дело наживное, все от него зависит, от того, как пойдет служба. В 1940 году он был уже капитаном, помощником начальника штаба арtpолка — высшая ступень, на

которую вознесла Николая Григорьевича военная служба за пять лет.

Война все круто переменяла: по мобилизационному плану Николай Григорьевич из Новороссийска перебрался в станицу Абинская и здесь уже как начальник штаба принялся формировать 33-й запасной артиллерийский полк.

22 ноября полк поднялся по тревоге — началась великая эпопея: трехмесячный тысячекилометровый пеший поход через Северный Кавказ, через Калмыцкие степи к Сталинграду, а оттуда железной дорогой на Урал, на станцию Кувандык.

Здесь, в Кувандыке, и родилась та часть, с которой Николаю Григорьевичу довелось идти на фронт: 33-й запасной переименовали в 1166-й ПАП, пушечно-артиллерийский полк резерва главного командования. Полк сдал старые трехдюймовки и получил новые орудия калибра 122 мм, на мехтяге, потери (после немецкой бомбежки на станции Ерзовка) пополнили за счет уральских казаков. Ушакову дали звание майора и назначили командиром полка.

Николай Григорьевич был вездесущ: в любой час, в любую минуту мог прийти на занятия в класс или в парк, к орудиям, стать в сторонке и минут двадцать или тридцать молча смотреть и слушать. Если все делалось правильно, уходил, бросив кратко: «Продолжать занятия!» Если замечал ошибку, без раздражения или гнева вмешивался: «Отставить! Здесь надо вот так...» Он учил их всех — и командиров, и рядовых, на него не обижались, потому что впереди всех ждала война, а в артиллерийской науке он разбирался лучше любого из них.

Но окончательно покорила всех в полку Ушаков, когда начались боевые стрельбы на полигоне, в холмистой степи за Сакмарой, на самой границе с Башкирией.

Ушаков оказался «стреляющим» командиром. Он ставил батареи на закрытые огневые позиции, каждый раз разные, цели с позиций было не видно.

Сам с командирами уходил на НП. Цель, если смотреть в стереотрубу, казалась совсем рядом, руку протяни, и достанешь, хотя до нее было километров пять-шесть. Дальше начиналось таинство — нанесение на планшет исходных данных для стрельбы: ДК (дальность

от командира до цели) и ДБ (дальность от командира до батареи) и еще расстояние от ОП до цели; исчисление углов артиллерийского треугольника. И еще важно знать, как стреляем? Огонь сосредоточенный, всеми стволами в одну точку? или наводим параллельно, разрывы пойдут по фронту? Выберем репер... Одинокая сосна на склоне — это хорошо, очень заметна, наводит легко... А если противник ее собьет, этот репер? Уж лучше кромка леса... Ну-с, товарищи командиры, засекайте время, следите за мной...

Ушаков учил людей стрельбе с сокращенной подготовкой. На эти расчеты отводилось от двух до трех минут, у Николая Григорьевича уходило не больше двух, иногда и полторы; после пристрелочных выстрелов брал цель в «вилку» — недолет столько-то метров, перелет столько-то, поправку вносил без расчета, по врожденной интуиции. После залпа всей батареей летели вверх бревна накрытого блиндажа, завтра хозроте строить новый, в другом месте, чтобы было по чему стрелять...

Потом Ушаков оборачивался к командирам — с кого сегодня начнем? кто пробует первым? командир обязан рассуждать вслух, что делает и почему... Ушаков слушал и кивал — подавайте команду на ОП! Или усмехался — у вас снаряды куда пойдут? по цели или в обратную сторону? самих себя не накроем? отойдите, сядьте в сторонке, пока ошибку не найдете, не подходите ко мне. Кто следующий?

22 мая 1942 года в полк нагрянуло высокое начальство с проверкой, которая длилась ровно неделю. Результаты проверки даже для самого Николая Григорьевича оказались неожиданными: полк был признан лучшим в округе по всем статьям. Комиссар из проверяющих, подводя итог, сказал Ушакову: «Даже не верится, что полк всего месяц, как сформирован, он выглядит, как старый кадровый полк!»

...5 августа 1942 года 1166-й ПАП очутился в лесу под Коломной, в ста километрах южнее Москвы. Эшелон шел на фронт. Чего ради завезли полк именно сюда, Ушаков не понимал: на Западном направлении в эти дни было достаточно спокойно, тяжелейшие бои шли много южнее, у Воронежа...

СТАЛИНГРАД

«...Уже очень скоро мы стали убеждаться в том, что нам не уйти с берегов Волги и что в Сталинграде настигла нас неотвратимая судьба.»

Из воспоминаний Иохима Видера,
офицера разведки 6-й германской армии.

I

Артиллерийский полк Н. Г. Ушакова бросили в самое пекло боев, на дальние подступы к Сталинграду, задача была — вместе с пехотой 62-й армии преградить путь немцам, не пустить их к городу.

Ушаков знал, что броня немецких танков Т-IV удара его орудий не выдержит, но у него было всего тридцать шесть пушек, а у немцев целый танковый корпус, и уцелеть в том бою у артиллерийского полка — если немцы прорвут фронт — никакой надежды не было: ни сменить позиции, ни уйти от немецких танков полк не мог. Потому главная задача была — не допустить немцев на огневые позиции, расстреливать танки на расстоянии...

До начала боя артиллеристы Ушакова успели врыть свои орудия в жесткую неподатливую землю по самые стволы, и еще расчистили сектора для разворота; отрыли ровики для снарядов и щели для себя; под палящим августовским солнцем без воды всем была погибель, и майор Ушаков позаботился, чтобы солдаты запасли воду в свои фляжки и заполнили бидоны. Ушаков не испытывал ни волнения, ни страха перед сражением, хотя это был первый его бой. Он был сосредоточен и предельно собран, и успел до немецкой атаки все: обозначил репера, пристрелялся, наладил связь; разведка танкоопасные подходы к огненным позициям; предусмотрел, как будут подвозить снаряды; успел оборудовать наблюдательный пункт и замаскировать его, чтобы с немецкой стороны не видно было солнечных зайчиков от стереотрубы. Единственное, чего не мог предугадать Ушаков, — как поведут себя его артиллеристы в бою, под немецким огнем, выдержат ли натиск танков, не оплошают ли?

62-я армия удерживала фронт по восточному берегу Дона. Частные попытки немцев переправиться через

Дон отражались, крупномасштабных ударов немцы не предпринимали: они в это время заняты были перегруппировкой своих сил.

19 августа с рассвета немецкие пикировщики повисли над нашими позициями, не давая поднять головы, потом из-за Дона двинулись 14-й танковый и 51-й армейский корпуса.

Бои у Песковатки и Вертячего, на правом фланге 62-й армии, кипели непрерывно до 23 августа, и в этих боях полк Ушакова проявил себя наилучшим образом — надежно укрытые четыре десятка его могучих орудий были опорой пехоты, они расстреливали осатанело рвавшиеся из-за Дона немецкие танки, раскалывали крупную броню, сшибали башни, и танки вспыхивали ярким пламенем, когда в них рвались собственные боеприпасы, и чадили черными столбами, и все предполье перед нашими позициями утыкано было сгоревшими немецкими танками, а новые все наползали и наползали...

23 августа 14-й танковый корпус немцев прорвался в районе Вертячего и, как писал много позже Г. К. Жуков, «рассекая Сталинградскую оборону на две части, вышел к Волге в районе Латошинка — Рынок. 62-я армия была отрезана от основных сил Сталинградского фронта, вследствие чего ее передали в состав Юго-Восточного фронта».

В эти жуткие для нас дни немецкого торжества майор Ушаков головы не потерял и в панику не ударился. Он и его полк остались на позициях. По северному и южному фасам Сталинградской линии обороны бои шли у самой городской черты, а здесь, южнее Посковатки и Вертячего, у 62-й армии еще были силы, чтобы не пускать немцев к Сталинграду, и их не пускали, и держались насмерть до 3 сентября, пока командование не отдало приказ нашим 62-й и 64-й армиям, чтобы избежать окружения, отступить на внутренний пояс обороны Сталинграда.

II

В первые дни сентября 1942 года Ставка провела реорганизацию: Юго-Восточный фронт, который теперь вел бои в самом городе, переименовали в Сталинградский, и его принял генерал Еременко; бывший Сталинградский нарекли Донским, командовать фронтом

назначили К. Рокоссовского, вместе с которым прибыл генерал Василий Иванович Казаков, человек незаурядный: за год он стремительно вырос из начальника артиллерии мехкорпуса до начальника артиллерии фронта.

Казаков, которому суждено было сыграть огромную роль в судьбе Николая Григорьевича, изучил боевые донесения артчастей, нашел, что 1166-й ПАП Ушакова действовал наилучшим образом. Мало того, В. И. Казаков сумел доказать высшему фронтовому начальству, что такой мощный огневой кулак, как тяжелый артиллерийский полк, к тому же вышедший из августовских боев фактически без потерь, в полном составе, целесообразнее использовать в условиях боя на открытом пространстве, где его слитная поражающая сила неимоверно велика, тогда как в условиях уличных боев в городе, с его каменными домами, перекрестками и закоулками эффективность огня значительно ниже. В результате полк Ушакова к середине сентября был переправлен через Волгу на левый берег, затем его снова переправили на правый берег, повыше немецкого клина, и придали 24-й армии И. В. Галанина.

Полк Ушакова занял позиции в районе разъезда 564 у станции Котлубань, и за две недели сентября этот разъезд переходил из рук в руки двадцать восемь раз. Тут я обязан дать слово самому Николаю Григорьевичу — рассказ этот беру из статьи, подготовленной Ушаковым для газеты, но так и не увидевшей света.

«...Поле боя превратилось в крошечный ад. Горели подбитые нами танки, трупы не успевали убирать ни мы, ни немцы, воздух был отравлен трупным запахом, пахло жареным в танках человеческим мясом, копоть в горящих танках, грохот от разрыва бомб и снарядов — все это страшно действовало на психику, и в этой обстановке мы даже не имели возможности оказывать первую помощь раненым бойцам и командирам; можно было слышать, особенно ночью, при сравнительном затишье, ... крики раненых, которые зывали о помощи или просили их добить. Люди со слабыми нервами сходили с ума...»

Полк майора Ушакова в этих сентябрьских боях позиций практически не менял: как врылся в окаменевшую землю у разъезда 564, так и стоял — все попытки немцев продвинуться на север ни к чему не приводили, их отбрасывали беспощадным прицельным огнем всего

полка. В одном из боев геройски погиб старший лейтенант Алексей Сидоров, командир 4-й батареи. Его НП был выдвинут вперед, в боевые порядки пехоты, откуда он мог видеть немецкие позиции, и в один из дней, когда танки и пехота врага едва не прорвались именно там, где был НП, Алексей вызвал огонь на себя, и Ушаков, зная, что Алексею от его залпов уцелеть будет невозможно, все же обрушил на его НП море огня...

Я снова привожу воспоминания Н. Г. Ушакова: «От паровоза, который продолжал стоять на разъезде, остался голый котел без наружной арматуры, и еще уцелели под ним колеса. Весь район разъезда был буквально завален трупами, здесь было попросту кладбище подбитых танков, танки буквально буксовали на трупах, не могли продвинуться и расстреливались нашей артиллерией...»

В немалой степени ожесточенность боев, стремление наших и немцев удержать разъезд 564 в своих руках объяснялись тем обыденным обстоятельством, что именно здесь, в неглубоком овражке, оказался единственный на всю округу колодец с питьевой водой. В те ночи, когда колодцем владели мы, немцы его беспощадно обстреливали, не давая запастись водой, так что ходили туда только смельчаки-добровольцы; когда на какое-то время колодец захватывали немцы, Ушаков вел по овражку методический огонь...

Потом, в какую-то из ночей, наши набрали воду спокойно, немцы часа два, заведомо зная, что у колодца русские солдаты, огня не вели. Затем наши отошли, и за водой спустились немцы, и по ним не стреляли, дали напиться и запастись водой на день. Как вспоминал позже Ушаков, «как-то сам собой утвердился неписанный договор... Об этом соглашении знали только мы, ни армейское, ни фронтовое начальство не знало, а мы это соглашение держали в секрете».

Николай Григорьевич в 1942 году, соблюдая этот «неписанный договор» с немцами, весьма и весьма рисковал, ибо тогда, в дни ожесточеннейших боев, такого рода действия Ушакова военный трибунал наверняка расценил бы как «братание» с фашистами, что равнозначно было измене Родине, и приговор трибунала мог быть самым суровым: разжалование и штрафбат, смыть позор предательства собственной кровью. Не думаю, чтобы майор Ушаков не представлял себе всей

опасности, но, видимо, было в его душе убеждение, что важнее — даже ценой негласного перемирия — купить для солдат бесценную воду, чем думать о риске лично для себя, тем более, что с рассветом «перемирие» вновь сменялось беспощадными боями.

22 сентября в очередном бою немецкий снаряд разорвался за НП Ушакова, совсем близко, крохотный горячий кусочек металла распорол гимнастерку, прочертил по спине кровавый след...

Николай Григорьевич о своем ранении начальству докладывать не стал, повязку ему наложили в полковой санчасти, и сутки спустя он, неповоротливый под едва затянутой портупеей, снова явился на свой наблюдательный пункт...

III

За три месяца боев Ушаков совершенно уверился, что его полк в состоянии выдержать любую танковую атаку немцев; что его артиллеристы сожгут эти танки прежде, чем те доберутся до огневых позиций; что люди у него ни в каких передрягах не растеряются, орудий не бросят и с линии огня не побегут. Был в сентябре даже случай, когда немецкая пехота прорвалась к огненным позициям одной из батарей, и артиллеристы из уральских казаков схватились с ними в рукопашную — всех, кто прорвался, тут и положили...

Однако в октябре 1942 года время немецких атак прошло.

Полк Ушакова передали в 21-ю армию, на правый фланг Донского фронта. Здесь планировался главный удар, конечная цель удара была — замкнуть огромное кольцо вокруг двух немецких армий, увязших в Сталинграде: 6-й полевой и 4-й танковой.

Ушаков должен был поддержать огнем наступление 51-й гвардейской дивизии 51-го корпуса, и он с головой ушел в подготовку артиллерийского наступления.

На передовые позиции пехоты были высланы наблюдатели, в тыл к немцам пошли добровольцы-разведчики, и Ушаков по утрам, когда после ночных поисков его люди возвращались, наносил на карту позиции немецких батарей. Всего их у Клетской оказалось пятнад-

чать. Он их все и расстрелял в первые тридцать минут артподготовки.

Что есть артиллерийское наступление?

В «Боевом уставе пехоты» 1942 года сказано: «Артиллерийское наступление заключается в непрерывной поддержке пехоты массированным действительным огнем артиллерии и минометов в течение всего периода наступления. Артиллерийский и минометный огонь должен вести за собой пехоту и танки в атаку от одного объекта обороны к другому.» Для Ушакова же эти строчки из Устава на практике означали — по мере продвижения пехоты от одной траншеи к другой — перенос огня, затем и смена огневых позиций, но такая смена, чтобы огонь орудий не ослаб; значит, два дивизиона бьют по врагу, один в движении; значит, тягачи на ходу всегда, и горючее запасено, и машины со снарядами наготове; на передвижение каждого дивизиона свой график, куда и когда двигаться, хотя бы на первые двое суток боя.

За неделю до начала наступления Ушаков собрал комсостав полка, сказал — в оборонительных боях у Котлубани полк проявил себя достойно, думаю, и в наступлении чести своей не уроним. Хочу разобрать, как штаб полка планирует артиллерийское наступление. Запишите...

IV

19 ноября, когда началось наше контрнаступление под Сталинградом, день был пасмурный и туманный, ввести в дело авиацию никакой возможности не было, и вся тяжесть прорыва немецких позиций легла на артиллерию.

В первые же часы боя полк Ушакова свое дело сделал — расчистил путь батальонам 51-й гвардейской дивизии, пехота вместе с танками 4-го нашего корпуса устремилась на юг.

В полдень полк Ушакова был у Селиванова, притом поспел как нельзя более ко времени: наши танки натолкнулись на огневые позиции немецкой тяжелой артиллерии, и Ушаков сходу врезался в бой. Чтобы свои орудия привести из походного положения в боевое, времени Ушакову не было отведено вовсе — бой наших танков с немецкой артиллерией уже кипел. Уша-

ков и его люди работали в таком порыве, что минуты спустя после выхода к Селиваново грохнул первый пристрелочный залп, и после третьего Ушаков понял, что накрыл огневые позиции немцев, и перешел на поражение. В отзыве зам. командира 51-й гвардейской дивизии гвардии полковника Бобровникова об этом бое сказано только: «В районе Селиваново (Ушаков) поддерживал танковый бой с артиллерией противника и обеспечил победу наших танков.»

«Обеспечил победу» — значит, своим артогнем разбил, расстрелял вражеские орудия, и танки пошли дальше, к Сталинграду, и, догоняя их, двинулись тягачи с тяжелыми орудиями...

У Верх-Бузиновки располагалась в резерве 14-я немецкая танковая дивизия, и 21 ноября она попыталась остановить наше наступление. Полк майора Ушакова еще предыдущей ночью развернулся на огневых позициях у станицы Свечниковской. С рассветом, когда наши танки двинулись вперед и немцы встретили их огнем, заговорили четыре десятка орудий Ушакова, и снова его полк решил судьбу боя: орудия прорубили в немецких позициях окно, и по немецким трупам, сталкивая со своего пути или давя остовы сгоревших немецких танков, 4-й танковый корпус пошел на восток. Ушаков снял орудия с позиций — он на своих тягачах мог поспеть за танками, пехота шагала сзади. Когда полк проходил походной колонной через разбитые немецкие позиции, солдаты качали головами — ну, братцы, вот это мы их точно как накрыли!

10 декабря 1942 года 51-й гвардейский корпус генерал-майора Товаркиладзе вышел к Песковатке. Здесь же, у Песковатки, поставил свой полк майор Ушаков. До Сталинграда оставалось всего ничего, не более тридцати километров, но теперь немцы успели занять круговую оборону, их фронт уплотнился — огромное Сталинградское кольцо надо было снова взламывать, вспарывать.

Ровно месяц понадобилось, чтобы подтянуть из резерва новые танковые части, подвезти боеприпасы, перегруппировать войска.

1 января 1943 года Ставка объединила Донской и Сталинградский фронты в один, назвала его Донским, командование поручила Рокоссовскому. Генерал Рокоссовский нашел, что в первую очередь надо «сре-

зять» тот выступ в районе Мариновки, который далеко выдавался на запад — именно отсюда Паулюс хотел прорываться навстречу деблокирующим танкам Манштейна. Штурмовать этот выступ должны были 65-я армия генерала Батова и 21-я армия генерала Чистякова. Следовательно, и 1166-й ПАП РК майора Ушакова должен был выполнять свою собственную задачу: пробить брешь в немецких позициях, расчистить путь танкам и пехоте 21-й армии.

На все расчеты Ушакову отвели 10 дней, и он все успел.

В 7 часов 50 минут 10 января всем артиллерийским командирам была отдана команда: «Оперативно! Проверить часы!» Ушаков на командном пункте полка был с шести. Он глянул на часы — точно, семь пятьдесят. В 8 часов 03 минуты последовала новая команда: «Оперативно!» Ушаков бросил своему начштаба: «Проследи: все разговоры на линиях связи прекратить!» В 8 часов 04 минуты Казаков передал последнюю перед огнем команду: «Натянуть шнуры!» Побежали последние секунды: 30... 25... 15... 5... Казаков сказал совсем буднично: «Огонь!» И Ушаков скомандовал дивизионам — «Огонь!». И одновременно по всему фронту 21-й армии, и севернее, по фронту 65-й армии грохнул невиданный по мощи залп семи тысяч орудий и минометов...

Огонь бушевал 55 минут, и когда танки с пехотными десантами двинулись вперед, Ушаков на своем участке перенес огонь в глубину немецких позиций, прикрыл наступающих огненным валом — километр, второй, все повышая и повышая дальность стрельбы.

Правым флангом 21-я армия наступала по руслу замерзшей Карповки, вдоль железной дороги, и здесь немцы сначала сопротивлялись ожесточенно, даже пытались контратаковать, потом немецкий фронт рухнул и остановился только на реке Россошка.

Переживший катастрофу 6-й немецкой армии офицер разведки Иохим Видер рассказывал о том, что творилось на немецких позициях в те январские дни: «Мариновскому выступу» предназначалась роль плацдарма для прорыва. Однако после крушения всех этих планов командование не выровняло фронт... Теперь же продвигающиеся ударные клинья русских грозили со дня на день попросту отрезать «Мариновский выступ». И тут-то штаб армии отдал один из немногих своих при-

казов об оставлении занимаемых позиций... Русские, двигаясь по пятам наших поспешно отступавших частей, которые бросали большую часть своей боевой техники и снаряжения, ворвались в «котел», и никакая сила не могла их удержать.»

До 15 января, почти трое суток, над немецкими запасными позициями на Россосшке стояла тишина: Рокоссовский перенацеливал свои армии. 65-я должна была наступать на Питомник, чтобы взять у немцев последний крупный аэродром и тыловую базу. 21-я армия, прорвав немецкую оборону, должна была наступать прямо на восток, на Воропоново.

И снова Ушаков, проколдовав над картами два дня и две ночи, спланировал артиллерийское наступление своего полка: предстояло пробить окно в немецкой обороне и прикрыть наступление танков и пехоты огневым валом на ту же глубину, до двух километров; за это время один дивизион снять с огневых позиций и по санному пути, что бежал параллельно железной дороге, двинуть вперед; в ту минуту, как он готов будет открыть огонь, снять с позиций оставшиеся батареи и подтянуть к себе... Таких перескоков будет столько, сколько понадобится, чтобы проскочить все 20 километров до Воропоново...

Все так и произошло. 15 января полк Ушакова взломал немецкую оборону, танки и пехота 51-й гвардейской дивизии, прикрытые огненными столбами орудийных разрывов, рванулись вперед — теперь немцы откатывались поспешно, стремясь уйти на внутреннюю линию обороны, которую мы же сами и строили в июле-августе прошлого года...

До этой линии 51-я дивизия дошла сутки спустя, и снова все повторилось: Ушаков развернул свои четыре десятка тяжелых орудий, слитным их огнем пробил брешь... Воропоново был взят 16 января. Уже был виден конец боев, полный крах дравшихся здесь немецких дивизий. За эти дни Ушаков как-то по привычке, пригляделся к колоннам немцев, что брели понуро в наш тыл — к ним почему-то и отношение было иное... Ушаков все удивлялся: неужели это те самые немцы, от которых отбивались в августе и сентябре? Однако война еще не кончилась, и Ушаков именно в этот день, когда взяли Воропоново, снова был ранен — теперь в ногу: торопился на американском «виллисе» в штаб дивизии,

к полковнику Бобровникову, да попал под налет: одна за другой рванули справа от дороги немецкие мины, и нестерпимо обожгло повыше колена... Осколок задел крохотный, и рана была пустячная, однако пришлось заскочить в полевой лазарет, чтобы уняли кровь, перевязали. Ушаков, одеваясь, чертыхнулся: совсем новые стеганные брюки, только получил, а дырочку на таком месте прожгло, что никак не спрячешь...

От Воропоново до станции Садовая, до окраин Сталинграда было уже рукой подать. Оставить свой полк Ушаков и не подумал, о ранении начальству, как и в сентябре, не доложил. Ходил, опираясь на трость, которую спроворил ему ординарец, иногда только морщился: садиться было неловко, а так все было, как всегда.

17 января 51-я дивизия при поддержке тяжелого артполка прорвалась через внутреннюю линию обороны, немцев расчленили на два кольца, и 21-й армии досталось уничтожать южное. Наступать предстояло на поселок Красный Октябрь и Мамаев курган.

Ушаков готовил таранный артиллерийский удар, которым хотел смести все живое с пути 51-й дивизии, но вечером 25 января к нему приехал гвардии полковник Бобровников, просмотрел план арто наступления, с сочувствием вздохнул: хорошо все разрисовал, Николай Григорьевич, однако придется отставить: нам навстречу ударит из города 62-я армия, а пушки твои далеко бьют — не дай бог, своих накроет... Про раненую ногу не упомянул: то ли в самом деле не обратил внимания, то ли вид сделал...

Утром 26 января танки и пехота 51-й и 52-й дивизий бросились в атаку без артподготовки и после короткого боя вышли с запада к подножию Мамаева кургана — вершина его уже была взята с востока дивизиями 62-й армии Чуйкова.

Ушаков с наблюдательного пункта видел через стереотрубу, как бежали по склону наши, снизу вверх и сверху вниз, немцев не было видно, и звуков никаких не доносилось, ни криков, ни стрельбы — чисто немое кино...

Для тяжелого артполка, для майора Ушакова в этот день Сталинградские бои кончились, в городе немцев добивали без него.

28 января Ушакова вызвал к телефону гвардии пол-

ковник Бобровников, спросил весело — как нога? плясать можешь?

Ушаков ответил осторожно — смогу, если не в приядку...

— Ладно, Николай Григорьевич, плясать или не плясать — дело твое, а мое дело тебя поздравить и получить с тебя законный магарыч! Поздравляю! Тебе присвоено звание подполковника. Говорят, скоро перейдем на новые знаки различия, будешь носить погоны штаб-офицера, с двумя просветами и двумя звездочками, а пока, суд да дело, прикажи ординарцу, чтобы привинтил к петлицам третью шпалу!

Утром 31 января Паулюс получил радиogramму Гитлера: Паулюсу присваивалось звание генерал-фельдмаршала, а в истории Германии еще не было случая, чтобы генерал-фельдмаршал сдавался в плен. Паулюс понял: от него ждут, чтобы он покончил с собой. Его оплатит Германия, как и всю 6-ю армию, которую три месяца назад, в ноябре, можно было спасти и которая теперь агонизировала... Паулюс решил разделить участь десятков тысяч своих солдат, которым предстоял плен, и выбрал капитуляцию.

Вечером 2 февраля появились немецкие самолеты, чтобы удостовериться, идут ли еще бои в Сталинграде. Вот донесение летчиков: «Опознать расположение «котла» больше невозможно. Артиллерийский огонь не наблюдается. С северо-востока к берегу Волги, в район старого «котла», двигается колонна врага, голова колонны в районе прежнего сброса. Вокруг прежнего «котла» сильный зенитный огонь. Наблюдается беспорядочная стрельба красными и белыми ракетами.»

Теперь, когда бои в Сталинграде закончились, полк Ушакова из 21-й армии должны были то ли вывести в резерв Донского фронта, то ли перебросить на запад, на линию внешнего кольца, а куда именно — Ушакову было неведомо. Но, прощаясь с ним, начальник артиллерии 51-й гвардейской дивизии полковник Бобровников протянул бумагу — вот тебе, Николай Григорьевич, от дивизии великая благодарность, мы тебя представили к ордену Александра Невского, а твой полк — к ордену Боевого Красного Знамени.

Но, как обычно бывает, командование Донского фронта рассудило по-своему. Оказалось, что генерал Казаков, командующий артиллерией фронта, вниматель-

но присматривался к командирам артиллерийских частей, к их действиям, и полк Ушакова произвел самое лучшее впечатление: решения командира оказались в высшей степени грамотными, боевая стрельба эффективной, потери — при всем ожесточении боев — минимальными. Этот подполковник, призванный в армию из запаса, закончивший Томскую артшколу в давнем 1923 году, оказался прирожденным офицером, талантливым артиллеристом, и полк сам сформировал, и выучил, и ввел в дело... Вот тут, 1-го февраля, и поступило представление командующего 21-й армией генерала Чистякова — генерал считал, что подполковник Н. Г. Ушаков достоин ордена Боевого Красного Знамени, и Казаков это представление не только поддержал, но и от себя добавил: а весь полк за грамотные действия, за великую самоотверженность в боях следует преобразовать в гвардейский.

Приказ по Донскому фронту о награждении подполковника Н. Г. Ушакова за № 115/Н от 16 февраля подписан генерал-полковником Рокоссовским — первый орден Николая Григорьевича.

КУРСКАЯ ДУГА

«Не дальнейшее продвижение в русские пространства, а сохранение и использование той части этого пространства, которое немецкие войска и войска союзников вырвали из рук большевизма — вот суть проблемы.»

Из речи д-ра Геббельса в Берлинском дворце спорта 5 июня 1943 г.

I

После окончания боев в Сталинграде фронт генерала Рокоссовского был переименован в Центральный, войска фронта эшелонами перемещались в район Ельца, но тылы весь март и апрель оставались в Сталинграде: железные дороги были не в состоянии перевез-

ти все сразу. Здесь же, в Сталинграде, оставался до апреля и полк Ушакова: шло переформирование.

За мужество в боях полк был переименован в 205-й гвардейский, его включили в состав 1-й гвардейской артиллерийской дивизии РГК. Из штаба Ушакова, из дивизионов полка забрали некоторых офицеров в другие полки, забрали с повышением. Ушаков к этому отнесся спокойно, без обиды и ревности. Пожалуй, было чувство удовлетворения: выходит, выучил настоящих артиллерийских командиров, коль скоро их начальство заметило и оценило... Одного из них, со смешной фамилией Петух, в декабре 1943 года встретил на Западном фронте: Петух был уже подполковником, командовал артполком, и Николай Григорьевич прибыл к нему с проверкой, но вроде и в гости...

Полк Ушакова переобмундировали. Теперь что у офицеров, что у солдат на плечах красовались новые, еще не обмятые войной и военными буднями погоны: у солдат мягкие, матерчатые, у офицеров жесткие, словно на пластинках... Погоны на офицерских кителях Ушаков не видел с девятнадцатого года, с декабрьского переворота в Кузнецке. Те бывшие белые офицеры, что учили его в Томском артучилище, были переодеты в форму Красной Армии, погон не носили, и всеобщая тогдашняя ненависть к «белопогонникам» на них, перешедших добровольно на красную сторону, не распространялась. Это были умные, знающие специалисты, Ушаков у них научился всему, что нужно было для артиллериста-командира, но он-то знал, кто из них кем служил у белых, где воевал: кто на Урале, в корпусе Пепеляева, кто на Волге, в корпусе Каппеля, и все же не было в нем, красном бойце, неприязни к их прошлому, к их былым заблуждениям... Словом, Ушаков с гордостью надел свои подполковничьи погоны, ординарец привинтил над правым карманом новенький гвардейский знак, над левым — такой же новенький, сверкающий эмалью орден Боевого Красного Знамени, те ордена еще были на штифтах, колодки ввели через год. И стал Николай Григорьевич орденосцем, краснознаменцем, гвардии подполковником.

На ватник надевать погоны Ушаков постеснялся; пришлось от ватника, такого теплого и уютного, отказаться, хотя в марте морозы с заволжским ветром так и секли... Зато в шинели при штаб-офицерских погонах,

Наш земляк-кузнечанин,
Герой Советского Союза
Ушаков Николай Гри-
горьевич.

Подполковник Н. Г. Уша-
ков. 1943 г. После Ста-
линградской операции—
первый орден...

Р.К.У.С.
 Дорогие Лизочка и Светлана!
 Сегодня дорожке мои получили
 результаты отидания сна-
 чала решено было оставить
 меня в тылу и должности
 были на выборы, но вيرا
 получила приказание от
 генерал-полковника Козако-
 ва, направить меня в рас-
 поряжении Гомельского.
 Завтра еду. Получил зван-
 ие полковника. Получил звание
 бригадироваии шимель, пата-
 товоб алье, Ятары шеретам
 колок, пераотак, ситоми грон

Н. Г. Ушаков вручает награды участникам боев на Вислинском плацдарме. Сибиряки и здесь не ударили в грязь лицом...

Письмо жене от 19 ноября 1943 г., у левой руки выработался устойчивый почерк...

Предписание Н. Г. Ушакову на Белорусский фронт.

СССР
 УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ
 2-му отд.
 18 ноября 1943 г.

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА КАДРОВ УНАРТ БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

Следует в Ваше распоряжение полковник УШАКОВ Николай Григорьевич для дальнейшего прохождения службы.
 На какую должность будет допущен полковник УШАКОВ донесите в Управление Кадров Артиллерии Красной Армии.
 Прибавьте телеграфируйте.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ АРТ. КА
 ГЕНЕРАЛ-МАJOR АРТ. - [Подпись] / Гуско в /

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА УН АРТ. КА
 ПОДПИСАНИ - [Подпись] / Гуско в /

В Турувском лесу. «Нынче у нас передышка, завтра вернемся к боям...»

20 лет спустя: май 1965 г., советские ветераны войны в Гданьске, Польша; Н. Г. Ушаков (слева) и М. Ф. Лукин с польскими друзьями.

при полевой портупее с двумя наплечными ремнями он, рослый, статный, выглядел весьма внушительно.

В конце апреля 1-я гвардейская артиллерийская дивизия РК приехала наконец в распоряжение Рокоссовского, но Николай Григорьевич буквально на второй день получил приказ: сдать свой 205-й гвардейский полк и принять 1-ю гвардейскую бригаду.

Николай Григорьевич получил три полка — их называли ИПТАПы, иначе говоря истребительно-противотанковые артполки. В первый же день, как принял бригаду, Николай Григорьевич осмотрел новые орудия: калибр 57 мм, скорострельность изумительная, по сравнению с его прежними могучими пушками эти выглядели игрушечными, однако же эти «игрушки» пробивали броню немецких танков толщиной 106 миллиметров с расстояния полкилометра и толщиной 96 миллиметров с расстояния километр.

В полках бригады не было дивизионного построения, полк — 6 батарей, в каждом 4 орудия, всего у Николая Григорьевича было теперь 72 маневренных, легких на ходу противотанковых пушки. И была в этих орудиях еще одна особенность, для Николая Григорьевича немаловажная: основной способ уничтожения немецких танков — стрельба прямой наводкой с открытых позиций, с учетом того, как складывается бой на данном участке и в данную минуту. Потому в центр боя выдвигается командир полка, его смелость и его умение организовать огонь. За командиром бригады остается общее руководство боем...

Генерал Казаков дал по артиллерийским частям ориентировку: в предстоящем сражении немцы используют новые танки типа Т-V «Пантера» и Т-VI «Тигр», лобовая броня у них от 80 до 100 мм, наши противотанковые пушки старого образца калибра 45 мм такую броню не возьмут. Ушаков тогда подумал — а какая у этого зверинца бортовая броня? Наверняка меньше лобовой... Собрал командиров полков, объяснил: ставьте батареи с таким расчетом, чтобы одна вела огонь по фронту, вызывая немцев на себя, две другие в любом случае могли бы вести огонь по бортам. Если «Тигр» пойдет на батарею перед собой, он борта неизбежно подставит...

Шли последние дни фронтового затишья: немцы заканчивали приготовления к наступлению на Курск,

наши, зная о нем заранее, готовились встретить немцев. На фронт к Рокоссовскому пожаловал представитель Ставки, генерал Г. К. Жуков, все осмотрел, нашел подготовку линий обороны основательной, однако посоветовал укрепить стык между 13-й и 48-й армиями, на правом фланге фронта.

Генерал Казаков, командующий артиллерией, зная, что у Жукова глаз острый и что его советы надо выполнять, даже если они не облечены в форму приказа, поставил здесь, у Малоархангельска, 1-ю гвардейскую бригаду Ушакова, и тот сразу же доложил командирам 8-й и 148-й дивизий 13-й армии, что занял позиции в их ближнем тылу. В течение суток Ушаков и его командиры полков определили танкоопасные направления, батареи укрыли, замаскировали... Бригада Н. Г. Ушакова стала на позиции на том самом участке фронта в районе Малоархангельска, который в приказе Гитлера «Цитадель» в пункте 4 обозначен был как место прорыва нашего фронта — здесь должен был наступать 41-й танковый корпус.

II

Сражение на северном фасе Курской дуги началось совсем не так, как планировал генерал-фельдмаршал фон Клюге: за два часа до начала немецкого наступления Рокоссовский приказал Казакову открыть упреждающий огонь. Казаков подал команду, и шестьсот орудий и реактивных установок нанесли огневой удар по изготовившимся к атаке немецким танкам и пехоте, притом противотанковые наши артполки, и бригада Ушакова в том числе, огня не вели, чтобы преждевременно не демаскировать себя.

Огонь над немецкими позициями бушевал всего 30 минут, от него пострадали артиллерия и система управления войсками, связь во многих местах оказалась разрушенной. Лишь около 6 часов утра немцы пришли в себя от потрясения и атаковали нашу 13-ю армию по всему ее фронту; попал под удар и правый фланг 70-й армии. Ширина немецкого наступления была всего 45 километров, это был яростный натиск сотен танков и штурмовых орудий одновременно, который, казалось, должен был смять, растоптать все живое.

41-й корпус немцев тремя своими дивизиями (од-

на танковая, две пехотных) ринулся в узкой полосе южнее Тросны, в направлении на Малоархангельск, и встречен был плотным артиллерийским огнем.

К исходу первого, самого тяжелого для нас дня немецкого наступления, когда немцы обрушились на позиции всеми своими силами, на Малоархангельском направлении пехота 148-й дивизии была вынуждена отойти на тыловые позиции, но с этих позиций немцы столкнуть дивизию не смогли.

К 8 июля, на третьи сутки наступления, 9-я армия Моделя потеряла десять тысяч человек, перед артиллерийской бригадой Н. Г. Ушакова поле было утыкано сожженными «тиграми» и «фердинандами». Расчет Ушакова — поражать бортовую броню — оказался правильным, противотанковые длинноствольные пушки прошивали борта немецких танков, главное при этом было выбрать верную позицию и не подставлять самих себя под огонь немецких танковых орудий и под гусеницы.

9 июля генерал Модель доложил командующему группой армий «Центр», генерал-фельдмаршалу фон Клюге, свои соображения: количество танков уменьшилось, живой силы не достаточно, танкисты и гренадеры не обладают достаточным опытом борьбы с новой тактикой русских; цели надо ставить самые близкие, захваченные у русских позиции следует немедленно переоборудовать и укрепить, и только после этого, после тщательной подготовки продолжать наступление. Модель полагал, что при этих условиях он через четыре-пять дней сможет прорвать русские позиции между Ольховаткой и станцией Поныри, где наступал его 47-й танковый корпус, и двинуться на Курск.

10 июля бои на этих двух направлениях, Ольховатка и Малоархангельск, возобновились с новым ожесточением, но теперь советские войска не просто отбивали натиск — Рокоссовский предпринял несколько коротких контрударов, немцев отбросили, и на следующий день, 11 июля, наступление 9-й армии практически прекратилось. Модель настаивал: наступать! Но вечером 11 июля все дивизии 9-й армии были контратакованы советскими войсками и вынуждены были перейти к обороне...

Командование 1-й гвардейской артиллерийской дивизией затребовало боевую характеристику на Ушакова, и заместитель Николая Григорьевича, гвардии под-

полковник Керп, написал: «Гвардии подполковник Н. Г. Ушаков дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным, морально устойчив, идеологически выдержан. На фронте борьбы с немецкими оккупантами проявил себя стойким защитником социалистического Отечества. За умелое руководство полком и проявленное мужество в боях по разгрому немецких войск под Сталинградом правительством награжден орденом Красного Знамени и медалью «За оборону Сталинграда». В боях с немецкими войсками на Орловско-Курском направлении гвардии подполковник Ушаков снова проявил образцы отваги и героизма. Представлен к ордену Отечественной войны II степени. Обладает командирскими и волевыми навыками, организаторскими способностями».

Гвардии подполковник Керп и принял от Ушакова артбригаду. Ушаков стал командовать другой бригадой — 3-й гвардейской легкоартиллерийской. Он получил все те же три полка, только при ином, дивизионном построении в ней было не 72 орудия, а сто.

15 июля с утра, после короткой, но мощной артподготовки 70-я и 13-я армии Рокоссовского перешли в наступление.

Выдвинутая из резерва свежая дивизия, 74-я стрелковая, наступала у Малой Тросны, и бригада Ушакова поддержала ее огнем. В первый же день немцев отбросили на те позиции, с которых они 5 июля начинали свое наступление. Все, что можно было, немцы ввели в бой, но сдержать наши части оказалось не в силах. К обеду 16 июля передовые батальоны 74-й дивизии ворвались в первую линию немецких траншей, с пехотой двигались танки. Ушаков приказал полкам: сняться с позиций — и вперед!

Убедившись, что полки пошли, он рванулся на новый НП. С ним бежали по сожженной, перепаханной снарядами взрывами, перекореженной гусеницами танков земле офицеры штаба и взвод разведки. Немецкий артналет настиг Ушакова и его людей, когда до захваченных траншей оставалось метров 50—60. Всех накрыло горячей волной, разметало, оглушило... Ушаков очнулся сразу же — он не ощущал боли, но не было кончиков пальцев на правой руке! Это было глупо, это было бессмысленно! Шел бой, и он не имел права ос-

тавить свои полки! Приказал поднявшемуся адъютанту — помощи унять кровь! наложи повязку!

Возня с повязкой длилась минуты три — подтянутая к шее рука вдруг заныла, ее стало рвать, но Ушаков скомандовал тем, кто уцелел — встали! бегом!

Новый налет настиг их полминуты спустя, когда до немецких траншей оставалось не более двадцати метров. Ушакову снова обожгло правую руку; жаркая, удушающая волна бросила его на землю.

Солдаты бережно, не обращая внимания на немецкий огонь, донесли Ушакова до захваченных траншей; кто-то бросил на дно вещмешок, и Ушакова уложили на него головой. Он был без сознания, правую руку теперь оторвало по локоть, и солдаты старательно бинтовали культю, чтобы товарищ подполковник не изошел кровью: вынести его с поля боя сейчас, сразу, никакой возможности не было...

III

37638
К вечеру Ушакова доставили в село Михайловку, под Курском, где располагался в те дни 85-й корпусной госпиталь. Николая Григорьевича тут же, немедленно, уложили на операционный стол.

Чтобы спасти его от гангрены, руку пришлось отнять почти по плечо. Две недели спустя Николай Григорьевич пришел в себя настолько, что при очередном обходе спросил Надежду Михайловну*, которая его оперировала, — как думаете, доктор, скоро ли я смогу вернуться на службу?

Изумление военврача было безмерно — как в строй? Демобилизация, полная отставка — вот что вас ждет! Об ином и не помышляйте! Еще не хватало — безруких калек отправлять на фронт! Но она не знала, каким характером, какой волей был наделен подполковник Ушаков. Наверное, он тогда и сам не все о себе знал, ибо после столь жестоких слов засомневался: может, и правда отвоевался?

24 июля по представлении дивизии Президиум Верховного Совета СССР присвоил Н. Г. Ушакову звание полковника, но приказ об этом по армии отдан не был,

* Имя и отчество изменены — автор

поскольку дальнейшая судьба Николая Григорьевича еще не определилась...

Надежда Михайловна своего мнения изменить не могла, оснований для этого не видела: воевать без правой руки было бы чистым безумием. Наверное, она была права — со своей точки зрения. Однако сюда, в госпиталь, Ушакову прислали документ, прочитав который, Николай Григорьевич разволновался: это было обращение командования и политотдела 1-й гвардейской армидивизии ко всем солдатам и офицерам: «Несколько дней тому назад фашисты пролили кровь двух командиров нашего соединения. Это наши лучшие люди, они вели бесстрашно нас в бой... Это товарищи Ушаков и Грехов. За их пролитую кровь... пусть прольются реки фашистской крови... Там, где гвардейцы-ушаковцы, враг не пройдет и не уйдет от суровой мести!»

Дата на обращении стояла — 21 июля. В этот день, кажется, сознание к нему еще не вернулось... Но теперь — теперь Николай Григорьевич знал одно, знал твердо: товарищи его помнят, о нем думают, со счетов его не списали, и он, даже без руки, обязан быть с ними!

Он начал с того, что попросил у Надежды Михайловны бумагу, карандаш и что-нибудь тяжелое, придавить бумагу. У врача чуть дрогнула левая бровь — для чего вам?

— Надо учиться писать левой рукой.

Надежда Михайловна кивнула — ну-ну, попытайтесь... В голосе было сомнение, даже боль за него, такого мужественного, с таким могучим торсом, и такого беспомощного... Однако именно после этого она, видя, как Николай Григорьевич, привалившись спиной к подушкам, упорно водит левой рукой по бумаге, и начала, кажется, отличать подполковника Ушакова от остальных своих больных.

Шел уже август. 5-го наши взяли Орел. Потом в палату принесли «Правду» за седьмое число. Николай Григорьевич на первой странице прочитал стихи Александра Твардовского: «...И голос праздничных орудий в сердцах взволнованных людей был отголоском грозных буден, был громом наших батарей...»

Николай Григорьевич отдал газету соседу, полковнику-танкисту: «На, Иван Терентьевич, прочти, как Твардовский нашего брата артиллериста нахваливает... Ин-

тересно, из скольких залпов салют давали за Орел?»

Сосед откликнулся: «Двенадцать залпов из 120 орудий, ты как раз на перевязке был. Сразу за Орел и Белгород».

85-й корпусной госпиталь так и стоял в Михайловке, передислокации не предвиделось. Место было обжитое, от фронта теперь достаточно далекое; врачи жили по избам, ранбольных держали в бывшей школе. Николай Григорьевич теперь не только сидел — он был «ходячий», хотя бы в пределах палаты и коридора. К тому, что у него нет правой руки, стал вроде потихоньку привыкать. Однажды спросил Надежду Михайловну — разрешите ли выходить в школьный садочек? Из окна больно хорошо спелыми яблоками пахнет... На волю охота...

Надежда Михайловна улыбнулась — вам, гвардии подполковник, ходить не только можно, вам обязательно нужно ходить! Надо разрабатывать мышцы спины и ног, не то без правой руки вас будет с непривычки пошатывать... И советую придерживать правое плечо левой рукой — для равновесия... При ходьбе улучшится кровообращение в плече, там сейчас идет процесс заживления. Рука-то болит? — Не то спросила, не то посочувствовала.

«Фантомные боли» — так это называлось. Ушакова до потемнения в глазах временами достигали режущие боли то в пальцах, которые отсек осколок немецкой мины, то в локте, который раздробил другой осколок... Ни пальцев, ни локтя, ни самой руки не было, но тело и душа их помнили, они хранили боль в себе и терзали Николая Григорьевича, почему-то под утро особенно жестоко; иногда боль накатывалась, едва он принимался выводить буквы неподатливой, непослушной левой рукой, и он, стиснув зубы, переживал, пока мука кончится, и снова брался за карандаш...

Послеоперационный рубец заживал быстро, не было ни покраснения кожи, ни уплотнения, а боль — боль в руке оставалась. Он даже с открытыми глазами словно бы всю ее чувствовал, эту несуществующую руку, и, глядя в потолок, словно бы даже шевелил пальцами...

Однажды, ближе к вечеру, Надежда Михайловна зашла в палату — безмерно уставшая после операционного дня, — спросила: «А что, Николай Григорьевич,

нет ли желания насладиться ароматом спелых яблок? У меня на час передышка...»

Николай Григорьевич с готовностью встал, да видно слишком резко: все перед глазами поплыло... Но по садочку они погуляли. Надежда Михайловна спросила — вы, Николай Григорьевич, из Сибирских краев, я по вашей истории болезни знаю, а что такое Кузнецк? отчего — Кузнецк? старый ли город? Слушала внимательно: ей, ленинградке, все было в диковинку — Форштадт, острог с надвратной башней, а более всего ее поразило, что на сотни верст кругом — тайга, да горы, да прозрачные реки...

Николай Григорьевич хотел знать, долго ли ему быть в госпитале, как скоро может зарубцеваться, зажить плечо, однако в тот вечер так и не спросил — не решился разрушить неловким словом бог знает с чего снизошедший на него душевный покой...

С того дня и повелось, и Николай Григорьевич свое время четко знал: с шести до семи. И ждал, и даже отчего-то волновался... Сосед, одноногий танкист-полковник, за которым наконец-то приехала жена, на прощание сказал Ушакову — ты, Николай Григорьевич, и сам не распаяйся, и бабе голову не дури. Что у тебя с ней дружба — это в твоей нынешней жизни даже хорошо, только ты в завтрашний день загляни! На тебя оттуда жена с дочкой смотрят... Николай Григорьевич вздохнул, с признательностью пожал Ивану Терентьевичу руку — он и сам все понимал, но отказаться от ежевечерних прогулок с Надеждой Михайловной не мог и не желал.

Она однажды спросила — а что, Николай Григорьевич, начал ли уже думать о том, что станешь делать, как мы тебя выпишем?

Ушаков усмехнулся — он от армии душой не отсох, кроме армейской службы ничего в голове не держал. Надежда Михайловна все поняла, посетовала: «Тяжко тебе придется. Никак ты понять не хочешь, что не воин ты больше, служить тебе не позволят, не дадут. Даже в тылу, в военкоматах, таких, как ты, одноруких, не держат...» И ушла, не прощаясь. Николай Григорьевич смотрел ей вслед — бог ей все дал: красивая, с характером, к тому же умная... По-своему права, конечно права, да ведь он тоже прав — по-своему...

Неделю она Николая Григорьевича избегала, потом

все пошло, как прежде. Уже шел сентябрь, над Михайловкой временами нависали черные тучи, но дождь шел теплый, земля после него быстро просыхала, и Николай Григорьевич выходил к яблоням — дожидаться Надежду Михайловну... Однажды она сказала: «Еще недели две, и поедешь в Тбилиси.

— Почему именно в Тбилиси? — удивился Ушаков.

Надежда Михайловна улыбнулась: «Грузины — народ особенный, если любят, так всей душой, если ненавидят, то до конца. Тебя там полюбят, я знаю. Отдохнешь, месяц у тебя будет на поправку. Дай телеграмму жене, пусть приезжает, отвезет тебя, госпиталь проезд оплатит...» Еще минут десять ходила с ним рядом, молчала, на вопросы не откликалась — умная, и с характером, и вся женская красота при ней, а чем ей поможешь? Потом Надежда Михайловна сказала: «Извини, Николай Григорьевич, если хочешь, погуляй один, а мне пора...»

Елизавета Тимофеевна приехала за мужем в последних числах сентября, в Михайловке провела два дня. С Надеждой Михайловной познакомилась в первый же час, как явилась в госпиталь, внимательно расспросила — что и как делать с плечом, нужен ли массаж, утихли ли боли или еще будут повторяться? как и чем их унимать? хороший ли у Николая Григорьевича аппетит? а то прежде большой был любитель до жареных котлет на свином сале и обязательно с луком... Елизавета Тимофеевна была благожелательна, доктора слушала со всем вниманием, а на душе бог знает что творилось: ни вежливый тон, ни тихая улыбка Надежды Михайловны ее не обманули, да и как обманешь интуицию любящей женщины?

У Надежды Михайловны хватило душевных сил проводить их до машины и помахать вслед юркому, скрипучему автобусику... Больше Николай Григорьевич с Надеждой Михайловной не свиделся и не искал ее, только до конца дней сохранил в сердце благодарность к ней и признательность...

Весь тот месяц, что Николай Григорьевич прожил с женой в Тбилиси, он думал только об одном: как вернуться на фронт? И не вообще на фронт, а на свой, Белорусский, где генерал Казаков его обязательно возьмет, в этом у Николая Григорьевича сомнений не было.

Елизавете Тимофеевне сказал сразу — если смогу,

если удастся, вернусь на войну, там мое место, ты только помоги... В плече у него, внутри, что-то происходило: шло, видимо, заживление сшитых мышц, сухожилий; он ощущал ток крови, ее жаркие толчки, когда жена нежно и вместе с тем твердо массировала и грудь, и спину, она делала это получше любой санитарки, и пальцы у нее не уставали... С женой Николаю Григорьевичу просто повезло, он это знал всегда, и его желание — вернуться в строй — она встретила совершенно спокойно. Может, в душе и не желала снова с ним расставаться, но никак это не выразила. Она еще с давних пор, с уездного Щегловска, с чоновской службы Николая Григорьевича знала, что муж ей достался особенный, что вся его жизнь — в армии, и поперек его желания встать не могла...

В ноябре 1943 года, перед самыми октябрьскими праздниками, Ушаков на свой страх и риск явился в Москву, в Главное управление командующего артиллерией Красной Армии. Он подал рапорт о возвращении в строй, писал рапорт для убедительности сам: успел все же за эти месяцы выучиться писать левой рукой.

Ушакова принял начальник управления кадров, в недавнем прошлом боевой артиллерийский генерал Гамов.

Николай Григорьевич уложил устный доклад в пять минут: считаю, что, пройдя бои в Сталинграде и на Курской дуге, могу быть со своим опытом полезным на фронте, служить готов в любом качестве и в любой должности.

Генерал Гамов прежде, чем принять Николая Григорьевича, внимательно прочитал его личное дело, потом стал расспрашивать о Томской артшколе, о преподавателях, о курсах переподготовки в Орджоникидзе, потом про 33-й запасной полк: как оценивает товарищ Ушаков довоенную подготовку наших артиллеристов? Как оценивает артсистемы, от легких пушек до тяжелых, которыми довелось командовать? Затем Ушакову пришлось подробно рассказывать о той тактике, которую он применил в борьбе с тяжелыми немецкими танками, командуя истребительной бригадой...

Гамов отпустил Николая Григорьевича только через час, заглядывавших в кабинет полковников с папками в руках выпроваживал нетерпеливым взмахом руки — не мешайте! Прощаясь, Гамов спросил — есть где

остановиться в Москве? или устроились в офицерской гостинице? ах, у сестры... Предупредил — на неделю я вас задержу, раньше решения не смогу принять. Если бы решили служить в тылу, хотя бы и в нашем управлении, должностей предложил бы разных, на выбор. Но вы ведь рветесь на фронт... Глядя в спину уходящего по ковровой дорожке гвардии подполковника, подумал сочувственно: как он управляется без руки? как щеки бреет? как китель застегивает? как сапоги натягивает?

Генерал-майор Гамов, после разговора с Ушаковым убежденный, что этот одорукий подполковник действительно полезен для армии, сделал за неделю два великих дела: он приказал включить Н. Г. Ушакова в приказ по армии о присвоении ему звания гвардии полковника, поскольку указ давал для этого основание.

Сталин, как нарком обороны, подписал этот приказ за № 03589 десять дней спустя, 17 ноября.

В эти же дни Гамов запросил по ВЧ генерала Казакова: готов ли штаб артиллерии Белорусского фронта взять на службу полковника Ушакова, потерявшего в боях с немецко-фашистскими захватчиками правую руку?

Ответ пришел сутки спустя: штаб артиллерии фронта готов был принять Ушакова.

18 ноября 1943 года Гамов подписал направление: «Следует в ваше распоряжение полковник Ушаков Николай Григорьевич для дальнейшего прохождения службы.

На какую должность будет допущен полковник Ушаков, донесите в Управление кадров артиллерии Красной Армии.

Прибытие телеграфируйте.»

На другой день Николай Григорьевич отправил письмо жене — почерк у него теперь был крупный, твердый, четкий: «Дорогие Лизочка и Светлана! Сегодня, дорогие мои, получил результат ожидания. Сначала решено было оставить меня в тылу, и должности были на выбор, но вчера получили приказание генерал-полковника Казакова направить меня в распоряжение Рокоссовского. Завтра еду...»

В штабе артиллерии фронта Ушакова встретили вроде бы радушно, как своего, и с третьей звездочкой поздравили, однако на первых порах никакой должности не дали: оставили при штабе, полковником по особым

поручениям, Ушаков понимал, что генерал Казаков хочет понять, на что он все же годен, однорукий калека, что ему по силам, а что выше его сил и возможностей? Задания Казакова были самые вроде бы обыкновенные: проверить состояние материальной части выведенного в резерв артполка; проанализировать организацию артиллерийского наступления тяжелого артполка и доложить; проверить, как осуществляется боепитание артбригад и внести предложения... Ушаков поручения исполнял более чем исправно: по артчастям фронта ездил хоть днем, хоть ночью, скидок для себя не просил и на увечье не ссылался; с командирами частей, куда его посылали, разговаривал уважительно, но твердо, притом самолюбия чужого без надобности старался не задавать. Если видел упущение, так и говорил — тут вы, товарищ полковник, недосмотрели, и я генералу Казакову буду вынужден доложить, акт проверки я вам оставляю, постарайтесь все исправить прежде, чем вас вызовут с отчетом...

На Ушакова редко кто обижался: фанаберию в Ушакове не было вовсе, а что он артиллерист от бога — это всем было понятно...

16 декабря Николай Григорьевич написал жене — каялся, что две недели молчал: «Все это время почти жил на колесах, разъезжал по частям фронта по специальному заданию. Сейчас эту миссию заканчиваю и на днях получу назначение. И тогда буду иметь адрес...»

Николай Григорьевич чувствовал себя в эти дни превосходно: был при любимом деле; видел, что нужен. Генерал Казаков похвальных слов ему не говорил, у генерала вообще не было привычки нахваливать людей в глаза, но Николай Григорьевич и без того знал, что его докладами Казаков доволен, все их прочитывал сам, лично, и не было случая, чтобы с выводами и предложениями Ушакова не согласился — ни одного...

Одно лишь беспокоило Николая Григорьевича: оставят ли ему Павла, ординарца, солдата лет сорока, которого ему дали в первый же день, как прибыл в штаб артиллерии фронта. Ушаков намучился, пока ехал один от Москвы, а Павел оказался человек «очень хороший, честный и старательный», так написал о нем жене. С Павлом было спокойно — все, что надо, сделает, ничего не забудет, где надо, поможет, ни панибратства,

ни зубоскальства себе не позволит... Как такого лишиться?

Павла при нем оставили.

18 декабря генерал Казаков, посмотрев за две недели, как безотказен Ушаков, с какой готовностью выполняет любые задания, и не просит для себя скидок, приказал начальнику своего отдела кадров — готовьте приказ, я чуть позже скажу, куда мы назначим гвардии полковника, а вы его ко мне вызывайте, сейчас, сразу...

После недолгой беседы с Николаем Григорьевичем Казаков принял окончательное решение, в котором, кстати, до последнего дня войны не разочаровался: полковнику Ушакову предложено было «убить на должность командира 35-й гвардейской Речицкой минометной бригады РГК».

БРИГАДА — ГВАРДЕЙСКАЯ, РЕЧИЦКАЯ, МИНОМЕТНАЯ

«...За образцовое выполнение заданий командования Центрального фронта, за проявленные при этом мужество, отвагу, высокую дисциплину и организованность... ходатайствую преобразовать (бригаду) в гвардейскую.»

Командующий артиллерией Центрального фронта генерал-лейтенант артиллерии Казаков.

I

Бригада досталась Николаю Григорьевичу знаменитая: 7 июля 43-го года, на вторые сутки немецкого наступления на Курской дуге, бригада с марша вышла к Малоархангельску — Федоровке, на усиление 18-го гвардейского корпуса. Николай Григорьевич в те дни воевал тут же, рядом. Но у Малоархангельска наших войск поставлено было столько, что все их Ушаков просто знать не мог.

8 июля бригада огнем всех четырех своих полков отбила шесть атак пехоты и танков, а в ночь на 9-е Ка-

заков перебросил ее на самый угрожающий участок, в район Поныри — Ольховатка.

В развалинах станции Поныри все эти дни упорно держалась наша 307-я дивизия генерала Еншина, немцы осатанело рвались к этому стратегически важному узлу нашей обороны, но выбить дивизию из станции не могли. Что до минометной бригады, то она с 9 по 14 июля не выходила из боев, отбивая массированным огнем непрерывные атаки немецких танков и пехоты.

Затем началось наше контрнаступление.

Когда 14 июля на участке Федоровка — станция Поныри 18-й корпус перешел в контратаку, минометная бригада поддержала пехоту слитным мощным огнем всех полков, и до 17 июля так и шла за пехотой.

Николай Григорьевич, читая штабные документы, невольно прикидывал, что он сам делал в эти именно дни: 14 июля — перелом у Малоархангельска, равновесие: у немцев нет сил для продолжения наступления, мы еще не начали...

15 июля — Николай Григорьевич как раз получил под свою команду 3-ю гвардейскую легко-артиллерийскую бригаду; в этот же день немцев отбросили на их старые позиции, откуда они начали наступление. Они потратили десять дней, чтобы продвинуться на семь километров, мы их отбросили за один день...

16 июля 35-я минометная бригада вела бой; Ушаков в этот день под Малой Тросной попал под немецкий артолет и лишился правой руки...

В сентябре 1943 года, когда Николай Григорьевич после операции медленно приходил в себя, 35-я минометная бригада воевала в составе 42-го стрелкового корпуса. В те холодные предзимние месяцы дивизии корпуса безнадежно увязли в изнурительных, бесплодных боях на правом берегу Днепра. Из сводки в сводку кочевали одни и те же названия: Жеребная, Марс-2, Венера...

В октябре бригаду отдали на поддержку 102-й стрелковой дивизии, и Николай Григорьевич с болью в сердце читал рапорт погибшего месяц назад, 28 ноября, командира 114-го полка гвардии подполковника И. И. Староватова: оказалось, что в боях за эту проклятую Жеребную полку не подвезли в достатке мин, и Староватов, чтобы обезопасить свои огневые позиции от немецкого контрудара, вывел часть минометчиков

в стрелковые цепи 954-го полка и штрафной роты, командовать своими минометчиками в цепи поручил гвардии подполковнику Андрееву. Как писал Староватов, около семи часов утра 11 октября «к командиру 954-го полка явился представитель ... 102-й дивизии и доложил, что они занимают окопы, что 200 метров северо-западнее Жеребной, но там через сорок минут оказались немцы. Около 8-00 до двух батальонов немцев с пятью танками перешли в контратаку на левый фланг 954-го полка. Через шесть минут противник был встречен огнем 114-го ГМП и откатился назад. Я с гордостью заявляю, что благодаря стойкости полка... мы обеспечили прочность обороны северо-западной окраины Жеребная.»

Николаю Григорьевичу так и осталось неизвестным, каким образом разобралось пехотное начальство с тем, что в окопах вместо нашего стрелкового полка оказались немцы, почему наши отошли без боя; хорошо, что все так обошлось, могло закончиться значительно хуже...

Однако Ушаков понимал, что случай у Жеребной — он и есть частный случай. Но заведенный до него в бригаде порядок получения «боевых отзывов» он воспринял как унижительный и потому совершенно недопустимый. Суть системы сводилась к тому, что каждый командир минометного полка должен был по окончании боя получить от командира пехотной части письменное свидетельство, что минометчики воевали исправно, в бою не трусили и с позиций не бежали.

В подшитых в дело «Боевых отзывах» Ушаков читал:

«131-й гвардейский минометный полк в боях с 8 октября 1943 г. по 18 октября 1943 г. поддерживал 40-й СП 102-й дивизии, помог форсировать р. Сож в районе Жеребная... С поставленной задачей полк справился хорошо. Комполка полковник Погребняк.»

«В период боев с 9 по 12 октября 1943 г. в районе Жеребная 114-й ГМП своей огневой работой дал отличные результаты, обеспечил 954-му стрелковому полку захват первой и второй линий обороны противника, захват и удержание деревни Жеребная, несмотря на контратаки противника на наш левый фланг, открытый ушедшими неожиданно частями 102-й СД. Комполка полковник Бондаренко.»

Их были десятки, таких вот «отзывов» — за август, сентябрь, октябрь, на каждый полк за сутки боев, за неделю. Кто завел этот порядок, Николай Григорьевич не знал, и не мог взять в толк: для чего нужны эти вот «отзывы»? Разве сами командиры минометных полков не в состоянии честно и объективно доложить ему, командиру бригады, о прошедших боях и о боевых действиях своих минометчиков? Неужели нет уверенности в их честности? И вообще: зачем держать таких командиров полков, воинское мастерство и мужество которых должны удостоверить каждый день чужие пехотные командиры?

II

10 ноября 1943 года Рокоссовский начал новое наступление в Белоруссии: с Днепровского плацдарма в районе Лоева три его армии, 48-я, 65-я и 61-я, нанесли удар в сторону города Речица; еще две армии, 11-я и 63-я, наступали севернее Гомеля.

В оперсводке № 124 от 11 ноября начштаба 35-й минометной бригады гвардии подполковник Бахолдин указал: «Части 42-го СК, ломая упорное сопротивление противника, в течение дня овладели поселком Венера.»

Вот только когда взяли эту проклятую, сотни раз обматеренную Венеру... Николай Григорьевич внимательно, с карандашом в левой руке изучил схему боевого порядка бригады за 10 ноября. Чертил Бахолдин грамотно, отчетливо: вот Днепр, вот поселок Рекорд, где обосновался штаб бригады. Выходило, что своего передового наблюдательного пункта командир бригады Соболев — он командовал бригадой даже меньше месяца, с 16 октября до 11 ноября — не имел, по крайней мере, на схеме такой НП не помечен. Николай Григорьевич для самого себя отметил: так командовать бригадой не годится...

Ушаков воистину не мог понять, отчего так долго толклись у этой Венеры: она вся была в пределах досягаемости огня бригады, накрыть слитным огнем полутораста минометов немецкие позиции, рассечь их — чего, казалось бы, проще?

В оперсводке за 18 ноября Бахолдин указал, что после суток боя из 144 минометов, положенных бригаде по штату, огонь вели 129, еще четыре находились в

ремонте. Николай Григорьевич в блокнотик себе записал: как же так? Заместитель командира бригады по тылу, хоть кровь из носу, хоть стреляйся, но обязан восполнить суточную убыль в минометах к следующему утру! Иначе по названию будет бригада, а по существу?

21 ноября бригада практически вышла из боя: в первых, 170-я дивизия получила задачу совершить марш и выйти в район леса западнее Береговой Слободы; во вторых, полки минометной бригады, сосредоточенные на северо-западной окраине Речицы, оказались без горючего для «студебеккеров», огромных американских грузовиков, и «двигаться не могли», как указано в оперсводке.

Почему подполковник Юрин не принял мер? Почему заранее не предусмотрел, чтобы запас горючего не иссяк? Кого и как наказал за разгильдяйство? То мин не подвезли, то оставили бригаду без горючего, то минометов против штата не хватает пятнадцати — это же пять батарей, без малого дивизион! Считаю, половины полка нет! Конечно, это было безобразие, такой бордель в бригаде! Но ни Юрина сейчас не спросишь, ни Бахолдина: обоих уже нет. Сам Ушаков принял бригаду 19 декабря, а 20-го Бахолдин убыл, даже не подписав очередную оперсводку, а сутки спустя на его место прибыл новый начштаба — Иван Иванович Карчевский, гвардии подполковник...

В бригаде Николай Григорьевич застал вот такой боевой порядок: штаб бригады оставался в тылу, в деревне Гелино, штабы полков — в Новой Поляне и в деревне с красивым названием Вишенки. Противник удерживает фронт по окраине деревни Дубина, огневые позиции минометчиков у деревень Папоротное, Ляды и Ново-Лесновский; передовые НП полков вынесены вперед, к линии фронта, а бригадного КП и НП вообще нет. Нет по той простой причине, что командир бригады массированного огня не ведет, огнем полков не управляет, полки подчинены пехотным командирам...

20 декабря, на другой день после прибытия в бригаду Николая Григорьевича, из штаба 25-го корпуса пришло устное распоряжение: сняться с боевого порядка, перейти на участок 217-й дивизии, на правый фланг 25-го корпуса.

Ушаков снял полки, к утру 21 декабря передвинул

их в район поселка Возрождение. Этот день — 21 декабря — должен был стать днем его первого сражения в теперешней должности. Он хотел сам все видеть, хотел участвовать в боевых действиях бригады. Командующий артиллерией 25-го корпуса думал, однако, не о бригаде, как о средстве мощного огневого воздействия, а о том, как бы растянуть минометные полки максимально, чтобы каждый пехотный командир получил свою долю.

Ушаков установил устойчивую радиосвязь со всеми своими командирами полков, чтобы — если нет у него возможности взять управление огнем в свои руки — то хотя бы знать, что творится на огневых позициях. А творилось в этот день совсем не то, что спланировало командование 25-го корпуса: вместо наступления пришлось до вечера, до 18 часов отражать немецкие атаки на деревни Папортное и Возрождение. Немцев, конечно, отбили, однако и нашего наступления на Затон — Проскурню не получилось...

III

2 января 1944 года вернувшийся из поездки на 1-й Украинский фронт Рокоссовский получил указание Ставки: разбить Мозырскую группировку врага, затем, продолжая наступление, продвигаться на Бобруйск и даже еще дальше, до Минска. Подготовку к наступлению завершить к 7 января, начало наступления — 8-го.

Итак, Белорусскому фронту ставилась задача сверхсложная: взломать Восточный вал, который немцы возводили и совершенствовали не один год, притом сделать это своими наличными силами, так как все резервы Ставка бросила на Украину. Рокоссовский об этом наступлении пишет глухо, ибо результаты его оказались более чем скромными. Биограф К. Рокоссовского В. Кардашов называет сражение в Белоруссии в январе-феврале 1944 года «боями местного значения». Однако для Николая Григорьевича и его 35-й гвардейской минометной бригады эти «бои местного значения» означали именно то, из чего складывается война: бесконечный, изнурительный, изматывающий труд под вражеским огнем, раны и смерть...

Бригаду снова растащили, раздергали по стрелковым полкам: командование 25-го корпуса по-иному вое-

вать просто не умело, и Николай Григорьевич вынужден был покориться, дав себе слово — это последний раз! дойдет хоть до Казакова, но докажет: бригада для того и создана, чтобы громить противника массированным многослойным огнем, а так ее использовать, как сейчас — все равно, что колотить в стену растопыренными пальцами. И стену не прошибешь, и пальцы пообломаешь!

Наступление с самого начала не заладилось.

Командование 25-го корпуса нервничало, согласованных действий наступающих дивизий не получалось. Весь январь прошел в безуспешных атаках, только 3—4 февраля обозначился успех: 131-й минометный полк гвардии майора Рамзина поддержал огнем наступление пехоты, она прорвалась наконец через заснеженное, кое-где еще покрытое ледком кочковатое поле. К утру 4 февраля немцев вышибли из деревни Дуброво — до города Паричи оставалось всего семнадцать километров.

19 февраля был для Ушакова черным днем: наступление нашей пехоты на деревню Притыка поддерживали два полка бригады — 131-й и 115-й. Ушаков видел ясно, что творится неладное: артподготовка при голодном пайке на мины хоть и длилась сорок минут, но подавить все огневые точки немцев не удалось.

Командир 1345-го стрелкового полка связь со своими батальонами утратил, полк 1348-й поднялся в атаку с опозданием, немцы успели прийти в себя; командующий артиллерией корпуса, не видя иного выхода, приказал Рамзину выдвинуть один из дивизионов полка вперед, на прямую наводку — до немецких позиций осталось метров восемьсот. Немцы немедленно засекли дивизион и накрыли... Минометчики Рамзина огня не прекратили, с позиции не ушли, только очень многих потеряли, а пехота наша как лежала перед немецкими траншеями, так и осталась лежать, вперед не пошла. Попытки Ушакова вмешаться ни к чему не привели: он в условиях такой организации боя над своими полками был не властен.

210-й минометный полк в этот же день, 19 февраля, в 8 часов утра нанес огневой удар по немецким позициям севернее растреклятой Притыки, в районе Михайловки, ибо командование корпусом для прорыва обороны противника ударного кулака не создавало,

наступление вело сразу несколькими дивизиями на достаточно широком фронте.

После огневого налета наша пехота поднялась в атаку, но сразу же попала под фланговый пулеметный огонь немцев, сначала залегла, затем оттянулась на сто—двести метров и окопалась... Двое суток, 20 и 21 февраля, пехотный полк безуспешно атаковал — минометчики при действительно «голодном пайке» на боеприпасы (выражение К. К. Рокоссовского) подавить немецкие огневые точки не могли. Лишь 22 февраля немцы из Михайловки отошли, наша пехота наконец-то вышла к деревне Притыка с северо-запада, и противник сильнейшим огнем снова положил ее в снег, на мерзлую землю, а до Паричей, как и в самом начале наступления, оставались все те же семнадцать километров...

Николай Григорьевич — при всей его выдержке — на этот раз не вынес. Ну как можно так безграмотно, так бездарно воевать? Он потребовал от командира 115-го полка гвардии майора Тимошенко представить — и немедленно! — подробный доклад о том, как действовал в бою полк, как пехота 399-й дивизии, почему 1348-й полк поднялся в атаку спустя десять минут после того, как закончился минометный огонь? Почему атаковал столь малыми силами — из всего полка наступало не более двухсот человек? Почему полк залег, не дойдя до первой линии немецкой обороны?

У Николая Григорьевича не было в характере такой черты — кляузничать. Но тут речь шла о вещах слишком серьезных: о войне; о победе над фашизмом; о цене, которую мы вынуждены платить ради этой победы; о гибели тысяч людей.

Получив от Тимошенко обстоятельный, на двух страницах доклад о боях 19 и 20 февраля у Притыки, Ушаков сравнил его с докладом Рамзина о боевых действиях 131-го минометного полка у той же Притыки и, испытывая неутолимое чувство горечи, приказал начштаба Карчевскому — готовь доклад для генерала Казакова. Укажи, в чем причина неудачных боев: неорганизованность пехоты; потеря управления в бою. И еще — как же так? полк идет в атаку, а в цепи всего двести бойцов, батальон... Разве так с немцами справишься? Он взял докладную Тимошенко, написал на ней: «НШ: составить доклад генерал-полковнику Казакову. Основной причиной неудачи является...» Поставил дату —

22.11.44 года. И, глядя в сомневающиеся глаза Карчевского, сказал — давай, пиши, как все было на самом деле, не бойся, никто нас кляузниками не назовет, а Казакову надо все знать. Еще до конца войны ох как далеко, а так воевать, как под Притыкой — не скоро немцев разгрохаем.

Командующий артиллерией 48-й армии все так же действовал привычным своим манером: 21 февраля дал устное распоряжение передать 114-й и 131-й минометные полки в 170-ю дивизию, 115-й и 210-й — в 399-ю дивизию. Еще три дня спустя, 25 февраля, 210-й полк снова поддерживал огнем 170-ю дивизию, опять совершил марш от Притыки до Язвина и здесь на целую неделю оставался в резерве: наступление наше приостановилось...

7 марта бои возобновились, и снова Ушаков, сжав зубы, с горечью смотрел, как бездарно растаскивают бригаду: командующий 48-й армией генерал-лейтенант П. Л. Романенко приказал раздать минометные полки и вовсе непонятно как: 114-й получила 17-я дивизия, 131-й — 96-я дивизия, обе из 53-го корпуса; 115-й полк достался 25-й дивизии, 210-й — 307-й дивизии, эти обе входили в 25-й корпус. Опять каждый его полк воевал сам по себе, мин расходовалось много — результат был минимальный.

13 марта, неделю спустя, эта бездарная колготня разом оборвалась: Казаков вывел 35-ю минометную бригаду из подчинения 48-й армии и перебросил ее на север, в распоряжение командующего 50-й армией генерал-лейтенанта И. В. Болдина.

Если 48-я армия вела бои на левом фланге Белорусского фронта, то 50-я — на самом правом, и бригада, совершив двухсоткилометровый марш при полном бездорожье и распутице, вышла к деревне Красница.

Здесь наступали две наши дивизии — 108-я и 412-я, и к великой радости Ушакова Болдин не возражал, чтобы бригада вела огонь сразу всеми четырьмя полками.

Николай Григорьевич сказал Карчевскому — сутки тебе даю на разработку плана огня. Делал когда-нибудь прежде такой план по четырем полкам сразу? Надо предусмотреть вот что...

Потом командиры полков внимательно вникали в разработку, переносили на свои карты координаты огня: «X» и «Y» для левого фланга, «X» и «Y» — для пра-

вого; огневой вал должен катиться вперед, от рубежа к рубежу, все сметая, все круша...

Артподготовка продолжалась сорок минут, стрельба шла и по переднему краю, и по тыловым позициям противника; потом, прикрытая огневым валом, поднялась пехота. Красница была взята одним коротким ударом, и пехота пошла дальше — километр, второй, третий; Ушаков все ждал — он знал: немцы должны контратаковать, однако они хоть и огрызались, но все же отходили на север от Красницы. Лишь в 15 часов из-за лесочка появились шесть танков, за ними замелькали фигурки солдат...

Ушаков видел со своего НП, как залегла наша пехота, подумал, ну, братья-славяне, сейчас вы увидите, как количество переходит в качество... Одно дело — минометный полк, другое — вся бригада... Полторы сотни его минометов обрушили на контратакующих немцев поток огня, было видно, как вздыбилась земля под ногами противника, потом все заволочло, заслонило черной стеной и огненными всплесками...

Вот это и были «бои местного значения».

Противнику никак нельзя было показать, что наша задача — при полном отсутствии резервов — всего лишь сковать их дивизии, и потому приходилось штурмовать немецкие позиции в полную силу, неся ненужные потери...

До 2 апреля бригада Ушакова так и находилась у Красницы, затем Казаков, уже зная, что наступление вот-вот окончится, вывел ее в свой резерв и приказал к 4 апреля сосредоточиться в районе Белой Березы.

15 апреля 1944 года Ставка отдала приказ Рокоссовскому наступительные операции прекратить и перейти к обороне.

В том письме, что отправил жене и дочери Николай Григорьевич 16 декабря 1943 года, есть строчки и о старшем брате, Евгении Григорьевиче: «С Женей не виделся, он тяжело ранен и находится в госпитале, а где, не знаю...»

Евгений Григорьевич Ушаков был человеком воистину необыкновенным. В 1919 году, в сентябре, еще во времена правления Колчака, его призвали в белую армию и направили в Томск, в офицерскую школу, однако два месяца спустя Евгений из школы бежал и пристал к отряду красных партизан в районе станции Тай-

га, с этим отрядом в декабре 1919 года влился в 239-й Курский полк 27-й дивизии. С того декабря и до августа 1937 года его служба в армии шла непрерывно. После войны с Польшей Евгений Григорьевич так и остался в Белорусском военном округе, от командира команды пеших разведчиков вырос за 15 лет до командира батальона, успел окончить почетные в армии московские курсы старшего начсостава «Выстрел», но в августе 1937 года был «вычищен» из Красной Армии и уволен в запас. Быть может, именно увольнение спасло Евгения Григорьевича, когда по Белорусскому округу после ареста Августа Корка, Иеронима Уборевича и других высших командиров начались широкие репрессии против тех, кто был связан с «врагами народа» или подозревался в причастности к «военному заговору».

Жизнь Евгения Григорьевича ровно четыре года прошла вне армии, но совсем рядом с ней, ибо он так был устроен, что без армейской службы жить не мог. Он устроился в бобруйский «Военторг», начальником транспортного отдела, потом его перевели в только что освобожденный от поляков Молодечно, начальником «Военторга».

Война застала его в Сморгони, почти у самой границы с Литвой.

Евгений Григорьевич мог забрать жену и двух детей да уехать от беды подальше. Он был человек гражданский, повестки о призыве на службу не получил, транспорт в подчинении имел — кто бы стал его разыскивать? Но Евгений Григорьевич был не из тех, кто в минуту опасности забивается в щель. Он велел жене, Софье Андреевне, ехать с детьми в Минск, а сам явился в расположение 50-го стрелкового полка. Готов был воевать кем угодно — хоть рядовым, но война распорядилась иначе: через неделю он уже был начальником штаба полка, еще через месяц — начальником штаба другого полка в этой же дивизии, 508-го, и немцы никак не могли его выбить из Полоцкого укрепрайона. В августе Евгения Григорьевича назначили командиром 508-го полка.

174-я стрелковая дивизия, в которую входил полк, была вся героическая, и полк Евгения Григорьевича был героический, потому в марте 1942 года его преобразовали в 57-й гвардейский, а всю дивизию — в 20-ю гвардейскую. До декабря 1942 года она из боев не выхо-

дила, немцам никак не удавалось ни прорваться через ее позиции, ни обойти с флангов.

В декабре 1942 г. Евгений Григорьевич получил под свое начало дивизию — 246-ю стрелковую. Вернее, то очень немногое, что осталось от нее после бездарного «наступления» на Ржев, организованного генералом В. С. Поленовым, командующим 31-й армией: в двух стрелковых полках в живых осталось по батальону, в третьем — только штаб и кое-кто из стрелковых командиров, бойцов не осталось вовсе, лыжный батальон погиб весь...

Е. Г. Ушаков к февралю 1943 года дивизию сформировал заново. Он действительно был прирожденный военачальник. Прыгнуть сразу с полка на дивизию, минуя все промежуточные ступени, не каждому по силам, не каждому удастся. Евгению Григорьевичу это оказалось по силам. Более того, он сумел уберечь, спасти дивизию от истребления в неудачных для нас боях марта 1943 года против Брянской группировки немцев: П. И. Батов, командующий 65-й армией, в подчинение которому передали дивизию Евгения Григорьевича, распорядился ею не лучшим образом...

На подходе к фронту — шли пешим маршем, полковыми колоннами, растянувшись на два десятка километров, — дивизию настигла свирепая многодневная пурга; артиллерия, обозы с продовольствием, с патронами, минами и снарядами — все безнадежно утонуло в метровых сугробах, лишь пехота через силу пробивалась к фронту, тащила на себе пулеметы да легкие минометы... Генерал Батов не позволил Евгению Григорьевичу стянуть всю дивизию, даже полков собрать не дал, требовал вводить в бой по-батальонно... Евгений Григорьевич все же исхитрился, позиции занял где двумя батальонами, где целым полком; у солдат патроны были только те, что в подсумках, и Евгений Григорьевич просил Батова — дайте со своих складов! Вытащу из снега обозы, долг верну! Батов отрезал: «Был бы ты комдив поумнее да порасторопнее, без боеприпасов к фронту не вышел бы! Ты сюда воевать пришел или на танцы?» Евгений Григорьевич погнал своего заместителя по стревой части в тыл — тот выгреб самолично патроны из подсумков у солдат выходившего последним 915-го полка, на конях отправил вперед, в батальоны, уже вступившие в бой...

Один Господь знает, чего стоили Евгению Григорьевичу эти мартовские бои 1943 года, какой сердечной боли, и хотя немецкий фронт он прорвать не смог и приказа Батова не выполнил, но и немцев через свои боевые порядки не пропустил, когда они на рассвете 8 марта бросили на его позиции 15 танков и полк пехоты. Бои шли сутки, другие, третьи — дивизия держалась из последних сил. Лишь 12 марта Батов приказал выделить ей боеприпасы со своих складов, да и то «в ограниченном количестве», как отмечено в журнале боевых действий дивизии за эти сутки.

К 17 марта Евгений Григорьевич подтянул наконец свой артполк и минометы и под прикрытием их огня бросил несколько штурмовых групп на Дмитровск — территории, правда, у немцев не отбил, но истребил их больше сотни, так что на другой день противник не атаковал, только постреливал время от времени. Батов доклад о штурмовых группах и их действиях выслушал внимательно, приказал — атаки прекрати, переходи к обороне.

6 июня Евгений Григорьевич сдал свою дивизию подполковнику Федосенко, заместителю, и явился в штаб 65-й армии: затребовал к себе генерал Батов.

Невысокого росточка, Павел Иванович Батов слыл человеком даже не решительным, а крутым, мог при случае, как говорили, и оплеуху отвесить нерадивому офицеру; при огромном воинском опыте интуиция его ни разу не подводила. В полковнике Ушакове он за эти месяцы разглядел человека одаренного, способного на смелые, неординарные решения, потому разговор с Евгением Григорьевичем был совсем коротким: «Вам предлагается принять 37-ю гвардейскую Краснознаменную дивизию, Военный совет армии вашу кандидатуру поддержал. Есть возражения?»

У Евгения Григорьевича возражений не было — с чего бы он стал возражать? Батов кивнул: «Езжайте в Любашев, дивизия с апреля в резерве, приказ о назначении получите в отделе кадров. Сейчас в дивизию прибывает пополнение, особое внимание обратите на укомплектование артполка. У вас будет три полка пехоты, помимо артполка еще противотанковый истребительный дивизион, отдельный саперный батальон со средствами переправы, так что хозяйство будет побольше прежнего. Желаю успеха!»

23 сентября Евгению Григорьевичу присвоили звание генерал-майора — в те осенние дни его 37-я гвардейская дивизия медленно, с невероятным трудом прогрызала немецкую оборону у поселков Буштей и Марс-2... 28 октября Евгений Григорьевич был тяжело ранен, так что город Речицу на Днестре дивизия брала без него. Он вернулся в строй и снова принял дивизию лишь в январе 1944 года, притом поспел к самому началу новых боев: теперь наступление шло у городка Савичи, дивизия прорывалась к реке Тремля... В марте Батов нацелил дивизию Е. Г. Ушакова на те самые треклятые Паричи, к которым пробивалась и 48-я армия, но успеха не было...

Судя по фотографиям из личного архива Николая Григорьевича, он все же встретился со старшим братом в апреле 1944 года. Фотограф запечатлел их в лесу. Николай Григорьевич каким-то непостижимым образом вырвался в расположение 65-й армии, в район Николаевки, куда дивизия брата была выведена в армейский резерв.

Всего день провели братья вместе, да и тот не полностью: они сами себе не принадлежали. Говорили о семьях — жена и дочь Николая Григорьевича так и жили в Орджоникидзе, с родителями Елизаветы Тимофеевны. Другое дело Евгений Григорьевич: он после того, как 22 июня 1941 года явился в 50-й полк, о жене, Софье Андреевне, и детях никаких вестей не имел.

Потом зашла речь о недавних тяжелейших «боях местного значения» — у Николая Григорьевича все из головы не шли неудачные бои за Притыку, и лежал на душе черным камнем день 19 февраля. И как не покажется странным читателю такое небывалое совпадение, но именно этот день, 19 февраля, был самым страшным в бесконечной череде февральских боев и для Евгения Григорьевича, и для его гвардейской и Краснознаменной 37-й дивизии.

События того дня Евгений Григорьевич помнил даже не по часам, а по минутам.

С утра, после пятнадцатиминутной артподготовки его полки пошли в атаку. К двенадцати часам захвачена была первая линия траншей, дивизия вышла на рубеж Вьюнице, но немцы тут же контратаковали пехотой, танками и самоходками — таких контратак до вечера было четыре, их отбивали, пока могли, граната-

ми, потому что свою артиллерию для стрельбы прямой наводкой через реку перетащить не смогли, а огонь по танкам с закрытых позиций нужных результатов не дал. В одну из таких немецких контратак наши бойцы дрогнули, стали отходить. Начальник политотдела дивизии полковник Смирнов бросил в стрелковые цепи весь партийно-политический состав полков; один из немецких танков сожгли бутылкой, три подбили бронебойщики, на этот раз немцев снова отбросили, но к 18 часам дивизия, потеряв более 700 человек, оказалась на тех же самых позициях, с которых утром начинала наступление...

Что бои были для нас неудачными, братьям было очевидно, при данных обстоятельствах они и не могли быть иными: наступление пехоты не было поддержано ни танками, ни авиацией, ибо взять их было неоткуда: Ставка, отдав Рокоссовскому приказ о наступлении, ничего ему из своих резервов не дала. К тому же командующие армиями и корпусами теми силами, которые у них имелись, распорядились не шибко-то грамотно; иные из командующих корпусами, по мнению братьев, вообще были не на своем месте: нет, чтобы маневрировать силами и огнем, нет, чтобы стянуть к месту прорыва кулак и протаранить немецкую оборону — вместо этого стремились наступать одновременно по всему фронту, распыляя и без того скудные силы...

Однако же рассуждать вслух на эту тему можно было только в разговоре друг с другом, с чужими говорить о таких вещах не полагалось: критика приказов или действий армейского и вообще старшего начальства в условиях войны считалась воинским преступлением, виновных могла ждать суровая кара...

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»

«...Лучше я потеряю белорусские леса, чем румынскую нефть.»

Заявление А. Гитлера на оперативном совещании.

I

К лету 1944 года группа армий «Центр» занимала особое положение на Восточном фронте. Сами немцы называли свои позиции «Белорусский балкон»: линия фронта, начинаясь на севере у городов Полоцк и Витебск, изгибаясь дугой на восток, проходила по линии Орша—Могилев—Бобруйск; от Жлобина линия фронта устремлялась на запад и уходила к Луцку, куда советские войска прорвались в ходе зимней кампании 1943—1944 гг.

Группа прикрывала подступы к Польше и Восточной Пруссии, правый фланг группы армий «Север», она же грозно нависала из-за реки Припять над правым флангом 1-го Украинского фронта, и генерал-фельдмаршал Буш понимал, что от него будут требовать удерживать эти ключевые позиции любой ценой. И хотя крупномасштабного русского наступления здесь не ожидалось, Буш 25 апреля 1944 года издал приказ № 5139, в котором требовал: «Все армии обязаны возвести в глубине своего расположения в подходящих для этого местах противотанковые позиции и отсечные линии любого вида...»

Удар по позициям группы армий «Центр» должны были нанести четыре наших фронта: с юга, от Бобруйска на Слуцк и Барановичи; другой — через Витебск на Вильнюс и третий — на Могилев. Затем, когда немецкий фронт будет развален, три Белорусских фронта ударят в сторону Минска.

Этой грандиозной операции, которой предстояло сокрушить группу армий «Центр», присвоено было кодовое название «Багратион». Подготовка к ней шла в апреле, мае и начале июня, шла со всеми мыслимыми и немыслимыми мерами предосторожности: к фронту подтягивались танковые армии и корпуса, выдвигались целых пять общевойсковых армий, подвозились сотни

тысяч тонн боеприпасов и продовольствия (каждый фронт принимал в течение суток до ста эшелонов), но генерал-фельдмаршал Буш должен был оставаться в неведении о масштабах готовящегося наступления, о силе предстоящего удара...

Еще 2 апреля генерал-полковник В. И. Казаков, командующий артиллерией 1-го Белорусского фронта, распорядился вывести 35-ю гвардейскую минометную бригаду в резерв: после мартовских боев за Красницу фронт на какое-то время переходил к обороне. Место дислокации бригаде было определено в деревнях Еремино и Костюковка, на Гомельщине, километрах в двухстах от замершей линии фронта.

Весь апрель и весь май бригада жила жизнью мирной, не фронтовой, но Ушаков и сам не бездельничал, и людям спокойной жизни не дал.

У Николая Григорьевича все не шло из головы февральские неудачные бои за Притыку... Их было много-много, разных «почему?»

Почему не могли прорвать немецкую оборону? почему огонь бригады не был действенным? почему наша пехота не шла дальше первой линии немецких траншей?

Он начал писать — пока для самого себя — что-то вроде аналитической статьи: «Использование минометной бригады в наступательном бою». Начал с того, какая это огромная огневая сила — минометная бригада:

«...Бригада, состоящая из четырех полков, имеет на вооружении 144 полковых 120-миллиметровых миномета. Своим огнем в течение пяти минут может подавить площадь 210 га, разрушить 500 метров окопов, ... поставить наземный заградительный огонь 7200 метров или дать огневой вал по фронту 4800 метров...»

Разумеется, генерал Казаков, если доклад посылать ему, знает возможности бригады не хуже самого Николая Григорьевича; жаль только, что командиры наших стрелковых дивизий и корпусов эти именно возможности в зимних боях во внимание не принимали, бригаду просто-напросто растащили, раздергали. И что вышло?

Сосредоточенного огня всей бригады просто не получилось, его и не могло получиться, стрельба по противнику шла без маневра траекториями, без разноса по времени: мин израсходовано за неделю до 10 тысяч, а

результат только тем хорош, что все контратаки немцев отбиты, но сами так и застряли у этой проклятой Притыки...

Николай Григорьевич, чтобы не ошибиться в оценке боев, потребовал от командиров минометных полков подробные доклады. Он полагал, что получит четкий анализ причин — почему огонь не был действенным? почему бои не принесли решающего успеха? Но получил рапорта хвалебные, все на один манер, словно все они сговорились — что гвардии майор Приходченко из 131-го, что гвардии подполковник Борзых из 114-го, что гвардии подполковник Яценко из 115-го, что гвардии подполковник Юрин из 210-го! Ушаков был вынужден указать по всем полкам письменным распоряжением: «Основным недостатком докладов является их неконкретность, отсутствие положений, рисующих тактику действий минометов. Общие, никому не нужные фразы: «полк огнем минометов поддерживал...»; «сопровождал колесами...»; «пехота при мощной поддержке минометов овладела...» — это совершенно ничего не дает.»

Начальник штаба бригады Карчевский, готовя это указание, от себя добавил: «Командир бригады приказал впредь поверхностных бессодержательных докладов не допускать.»

Николай Григорьевич в своем предполагаемом докладе записал: «Выводы: планируемый порядок артподготовки является типичным: 5 минут огневой налет, 20—25 минут методический огонь и последние 5 минут огневой налет по переднему краю хорошо известен (немцам) и используется ими. С началом подготовки противник отходит в блиндажи и 2-ю линию траншей; по этой и 3-й линии огонь ведется с недостаточной плотностью (по площадям), противник сохраняет живую силу и огневые средства, все это он бросает на отражение наших атак после окончания артподготовки.»

В этом докладе Ушаков вернулся к мысли о сосредоточенном огне минометных полков. Он знал упорство немцев, их стремление не отсиживаться в траншеях, а настойчиво контратаковать. В февральских боях немецких контратак отбивали в день на разных участках и по четыре, и по восемь. Потому Николай Григорьевич посчитал нужным записать: «Противник контратакует неизбежно сначала мелкими, затем крупными си-

лами (батальон, полк) в основание клина. Для отражения таких атак необходимо оставлять в руках старшего артиллерийского начальника мощные минометные средства, располагая их на флангах наступающих частей.»

Два полка в основании нашего наступающего клина для отражения немецких ударов по флангам — вот что открыл для себя Н. Г. Ушаков! Два полка, 72 тяжелых миномета, каких у немцев нет, и оба в руках старшего артиллерийского начальника. Шестнадцатикилограммовые мины накрывают контратакующих немцев, жгут танки, рвут, кромсают пехоту, и происходит это разом, по одной команде, непрерывным огневым потоком.

Кто он, этот «старший артиллерийский начальник»? Может быть, командующий артиллерией наступающей дивизии? А может, и он сам, командир бригады? Впрочем, Ушаков тут же подумал: не то главное, кто отдаст команду «Огонь!» Главное, чтобы тот, кто будет командовать, понимал, какая мощь в его руках, и умел бы этой мощью распорядиться, и чтобы полки были готовы к такому огню — всех дивизионов по единому слову, — и к мгновенному переносу огня...

II

Полки между тем — если судить по боевым донесениям в штаб бригады — жили своей напряженной жизнью.

18 апреля Ушаков назначил смотр 131-го полка, с часу дня до вечера дотошно проверял состояние минометов, автомашин, личного оружия солдат. Потом приказал командиру полка, гвардии майору Приходченко, построить людей и провел строевой смотр. Завершилась инспекция торжественным прохождением полка — веселые, крепкие, ладные солдаты, подтянутые офицеры шагали мимо Ушакова, над дивизионными колоннами реяла дружная песня, Ушаков держал у козырька левую руку...

Не могу сказать, что Н. Г. Ушаков любил 131-й полк больше остальных или относился к нему пристрастно и потому «гонял» и «жучил» людей больше, чем в других полках. Насколько можно судить по документам и по отзывам, он все свои четыре полка ставил одинаково высоко и любил тех офицеров и солдат, с которыми на

равных — без скидок для себя — нес тяжкую ратную службу; Николай Григорьевич высоко ставил их мужественную жертвенность, высокое понимание подчиненными ему людьми воинского долга. Все это не пустые слова. За всем этим стояла одна мысль, которую Николай Григорьевич лишь после войны позволил себе высказать вслух: в тылу нашей бригады заградительным отрядам делать было нечего — мои люди с линии фронта не бежали!

15 апреля Ушаков представил генералу Казакову юбилейный рапорт. Ушаков далек был от желания хвастаться, просто бригада славно провоевала целый год, и Ушаков писал не о себе — вот, мол, какой он умный да храбрый, — а о бригаде, о ее боевом пути, о солдатах и офицерах.

1 мая 1943 года бригада создана в деревне Калинино Ливенского района Орловской области, имела номер 21-й, считалась отдельной, в резерве Главного командования. Приказом № 261 от 10 августа 43-го года наркома обороны бригада переименована в 35-ю отдельную гвардейскую минометную РГК, за взятие города Речица присвоено наименование «Речицкой».

Ушаков посчитал нужным указать, что за год боев в бригаде награждено орденами 477 офицеров, сержантов и рядовых, медалями — 1550.

Убито в бригаде за год 397, из них офицеров — 43, ранено 681, из них 101 офицер, однако в январе-феврале 44-го года бригада пополнена до штатного количества. Закончил Ушаков юбилейный рапорт так, как полагалось писать по тем временам, ибо без этих слов такие документы не составлялись: «Бригада готова к выполнению любого вашего задания, а личный состав горит желанием во исполнение приказа Верховного Главнокомандующего товарища Сталина громить полчища врага на его территории до полного разгрома и капитуляции.»

Генерал Казаков рапорт Ушакова прочитал и приказал известить полковника, что в бригаду приедет лично, хочет все увидеть. Назначил и день, и час: 27 апреля, бригаду построить к 11 часам.

Николай Григорьевич вызвал Карчевского, начштаба бригады, сказал — сделай так, Иван Иванович, чтобы мне за бригаду не краснеть. Обрати внимание полковых командиров — Казаков не только подворотнички

смотрит. Казаков все увидит, и минометы, и как «студбекеры» стоят, и столько ли мин, сколько по боекомплекту положено. Словом, придется покрутиться... Ушаков, когда рапорт подписывал, подумал, что генерал Казаков бригаду к празднику поздравит, приказ издаст, по дивизионам прочитаем — у людей гордости за бригаду добавится. Что Казаков решит сам приехать — такого Николай Григорьевич не предполагал...

Однако если столь высокое начальство, как командующий артиллерией 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Казаков, желает видеть строй бригады в 11 часов, то в соответствии со стародавними — от Петра Великого заведенными — армейскими порядками командир бригады поставит солдат в строй за час раньше, чтобы самолично убедиться до приезда генерала, что все в порядке; соответственно полковые командиры выстроят солдат тоже раньше на час, чтобы всех осмотреть и чтобы Ушаков потом, не дай бог, носом не тыкал, если обнаружит упущение; соответственно командиры дивизионов... соответственно командиры батарей...

Из боевых донесений полков видно, что 27 апреля их подняли в 4 часа 30 минут, до 6 часов солдаты «приводили в порядок свой внешний вид, подготавливались к параду» под бдительным оком сержантов и старшин, а там пошло-поехало, точно до назначенного времени: в 11 часов 30 минут генерал Казаков принял парад бригады, осмотрел матчасть и остался весьма доволен — за Ушаковым, этим полковником без правой руки, следил давно, с того памятного дня в ноябре прошлого года, когда тот из Москвы явился в штаб артиллерии фронта за назначением.

1 мая Ушаков устроил бригаде праздник: с утра прошли полковые смотры, потом парад всей бригады, при развернутом знамени; организовали ударный обед для солдат. Ближе к вечеру — концерт бригадной самодеятельности.

200 километров от линии фронта — для немецких самолетов не расстояние, минуты лета, но в этот день ни «юнкерсов», ни «мессершмиттов» в небе не было, и война о себе никак, ничем не напоминала, если не считать слов той знаменитой утесовской песни, над которой солдаты весело, от души смеялись: «Гадам нет по-

щадь, нет спасенья гадам, пуля ли их встретит, молодецкий штык ли...»

Ушаков между тем решил провести по полкам трехдневные учения, в каждом отдельно: вывести в поле всех до одного офицеров и разыграть на местности — без минометов, конечно, без стрельбы — организацию массированного огня целого полка. Как будут поспевать офицеры, старшие и младшие, за его командами? Как пойдет перенос огня? смена позиции?

В 131-м полку учения начались 15 мая.

Ушаков вывел комсостав на заросшую кустарником обширную поляну у деревни Кобылянка, сориентировал людей по карте — наступать предстояло в сторону полусожженной деревушки Особин — и подал первую команду...

Учения шли три дня, как и планировалось, и 18 мая в 16 часов Ушаков и Карчевский провели разбор учений. Конечно, не у всех все получалось, но в целом — если бы так действовали в настоящем бою, да под огнем, под бомбежкой — лучшего и желать нечего.

30 мая Ушаков представил офицерам 131-го полка нового полкового командира, гвардии майора Поваляева, только что прибывшего в бригаду. Ушаков посмотрел еще прежде бумаги на Поваляева — Иван Васильевич начал службу рядовым красноармейцем в 1929 году, дослужился до старшины, потом окончил Ленинградские командные курсы и в 1940 году был уже помначштаба 573-го арtpолка. Поваляев и Финскую кампанию прошел, и в Вяземском окружении дрался в октябре—ноябре 1941, только 15 декабря вышел с бойцами к нашей линии фронта и прорвался...

Представив офицерам нового комполка, Ушаков уехал, давая Поваляеву возможность все самому увидеть, во всем разобраться, во все вникнуть...

В ночь с 11 на 12 июня бригада Н. Г. Ушакова совершила стремительный марш через деревни Сычман и Ямное, успела до света переправиться по наведенным понтонам через Днепр и укрыться в лесу в двух километрах от разрушенного, сожженного войной села — называлось оно Старое Село. Ночлег был временный, просто в светлое время суток передвижение по дорогам войсковых колонн запрещалось строжайше под угрозой военного трибунала, и Н. Г. Ушаков в надлежащем приказе по фронту тоже расписался.

Войскам Рокоссовского предстояло взять Бобруйск, и он готовил для наступления сразу четыре свои армии. 65-я и 28-я должны были взломать немецкую оборону и обойти Бобруйск с юга, две другие, 3-я и 48-я, должны были обойти Бобруйск с севера. В прорыв Рокоссовский планировал ввести и танковые корпуса: сотни танков и мотопехота должны были вырваться далеко вперед, замкнуть кольцо окружения западнее Бобруйска...

Перед войсками Рокоссовского стояли в обороне корпуса 9-й немецкой армии. Они, конечно, будут ожесточенно сопротивляться даже после того, как мы прорвем их позиции, и это будет нам только на руку: чем дольше продержатся немцы в своих блиндажах и траншеях, тем труднее им будет потом вырваться из окружения, тем больше мы их истребим, когда кольцо окружения замкнется...

Бригаде Н. Г. Ушакова предстояло поддерживать огнем 35-й стрелковый корпус 3-й армии. Ушаков, конечно, знал, что 3-я армия — единственная в составе фронта, которой хоть и с тяжелейшими потерями, но все же удалось вырваться из немецкого окружения южнее Гродно три года назад, в первые дни войны, и даже вынести боевое знамя, и потому армию не заклемили позором, не расформировали, и тогдашнего командующего, генерал-лейтенанта Кузнецова, вышедшего к нам из-за линии фронта, не разжаловали и под трибунал не отдали, хотя от армии мало что осталось... Правда, теперь 3-й армией командовал не Кузнецов, ею командовал генерал А. В. Горбатов, но это все равно была та самая 3-я армия, разбитая немцами в беспощадных приграничных боях и все же восставшая из небытия...

Ушаков не знал, как встретят его генерал Горбатов, а позже и командующий 35-м корпусом генерал Желудев; как примут его желание — взламывать немецкие линии обороны массированным огнем сразу всей бригады, не растаскивать минометные полки по пехотным частям еще до начала боя, — но думал об этом непрестанно, и мысленно строил разговор с генералами, разговор уважительный (при его подчиненном положении) и все же настойчивый и доказательный...

19 июня бригада находилась в лесу, километрах в полутора от местечка Грабов, на западном берегу реки Друть; полкам предстояло ночью переправить через реку минометы, запас мин, установить надежную связь.

Ночь прошла на удивление тихо. Немцы, конечно, периодически постреливали, ракеты осветительные пускали... В 41-м наши бойцы этих светлых ракет вот как боялись, сразу бросались плашмя, на живот, словно при минометном обстреле: в ярком зеленоватом свете казалось, немцу все видно... Теперь на ракеты внимания обращали мало, попривыкли, и понимали, что немцы этими ракетами сами себя успокаивают...

За ночь 131-й полк перебросил через Дзержинск 12 минометов, 210-й — даже 18, целый дивизион, к утру 20 июня все переправленные минометы установили на огневых позициях, и на день снова все замерло.

22 июня выделенные для этой цели роты и батальоны пехоты провели разведку боем. Немцы за три года войны выучили, что после таких боев русские обычно переходят в общее наступление, и хотя крупномасштабных действий здесь не ожидали, все же в ночь на 24 июня заметно нервничали: их артиллерия чередовала методический огонь по переправам через Дзержинск и нашим боевым порядкам с мощными артналетами.

Нервничали немцы не зря: на северном фасе «Белорусского балкона» еще 23 июня начались бои в районе Витебска, и хотя немецкие позиции там в тот день нигде не были прорваны, новое русское наступление могло все сразу осложнить...

В 3 часа 50 минут 24 июня на немецкие позиции обрушился удар. Орудия и минометы били непрерывно два часа, затем наша пехота поднялась, пошла за огневым валом, сходу ворвалась в первую линию немецких траншей — и увязла в них на двое суток. 35-й немецкий корпус ожесточенно сопротивлялся, отбивая атаки 3-й и 48-й наших армий. У Николая Григорьевича сердце заходилось от досады, от обиды, от гнева: ни генерал Желудев, командующий 35-м стрелковым корпусом, ни командиры стрелковых дивизий предложения Ушакова — оставить бригаду в его руках, удары наносить по целям, указанным пехотой, но всей бригадой сразу — не приняли, каждый комдив желал иметь минометный полк у себя, в своем подчинении, действовать и распоряжаться им по собственному разумению.

И бригаду раздали совсем по-смешному: 114-й полк гвардии майора А. И. Сенина и 131-й полк гвардии майора И. В. Поваляева попали в 250-ю стрелковую дивизию, поддерживали два разных полка пехоты; 115-й

полк гвардии подполковника Яценко передали в подчинение 323-й дивизии, 210-й полк гвардии майора Репкина подчинили 348-й дивизии. Штаб бригады оставался в лесу, километрах в полтора от села Малая Коноплица, Ушаков и Карчевский лишь по радиодонесениям и знали, что происходит на линии огня — ни вмешаться, ни помочь полкам они были не в состоянии.

Каждый минометный полк в течение двух суток, 24 и 25 июня, воевал на особицу — все равно как если бы кто-то играл одним пальцем на огромном органе...

IV

На участке южнее Бобруйска немецкие позиции удалось прорвать в первый же день. Рокоссовский бросил в прорыв 1-й гвардейский танковый корпус и конно-механизированную группу — они пошли по немецким тылам. 3-я армия 25 июня к 16 часам сбила немцев с позиций. Прикрываясь мелкими группами, немцы теперь спешно отходили, пытаясь оторваться, и Рокоссовский бросил вперед давно стоявший наготове 9-й танковый корпус. Ему предстояло обойти Бобруйск с севера.

В эти и последующие дни, до 29 июня, 35-й отдельной гвардейской минометной бригады как единого, слаженного боевого организма не существовало.

Штаб бригады жил сам по себе, минометные полки следовали каждый самостоятельно за теми стрелковыми частями, которым были приданы.

Штаб бригады в эти два дня, 27 и 28 июня, находился в саду юго-западнее Старицы; далеко ушедшие на запад полки о своих действиях докладывали аккуратно, радиосвязь работала бесперебойно. Ушаков по карте отчетливо видел, как стремительно перемещаются войска 3-й армии, пытаясь уплотнить кольцо на своем участке, севернее и северо-западнее Бобруйска.

9-я армия немцев была еще реальной силой, и надо было считаться с тем, что она попытается вырваться. Очень важно было уловить, когда и где немцы начнут стягивать силы для прорыва. Если это не упустить, и собрать бы всю бригаду вместе, и поставить на направлении немецкого прорыва, и накрыть немцев многослойным огнем тяжелых минометов... Николай Григорьевич, думая обо всем этом, только тяжело вздыхал: в

ближайшие сутки-двое все должно и определиться, и закончиться, но за эти сутки командиры дивизий минометные полки из своих рук не выпустят, будут держать при себе, если даже его полки так и не вступят в бой, не выпустят по немцу ни одной мины... Продолжалась игра на органе одним пальцем...

К исходу дня 27 июня генерал-фельдмаршал Буш наконец осознал масштабы катастрофы, угроза которой нависла над 9-й армией. Теперь он понимал, что армия уже в кольце и надо вырываться. Последовал приказ, и генерал фон Лютцов, командир 35-го армейского корпуса, стал спешно стягивать войска в лес юго-восточнее Бобруйска. Он успел собрать шесть дивизий, до 60 тысяч человек, с танками, артиллерией, запасами снарядов.

Рокоссовский, дав немцам собраться, приказал командующему 16-й воздушной армией нанести по изготовившимся к прорыву немецким колоннам бомбовый удар. Руденко поднял в воздух более полутысячи самолетов и утюжил лес полтора часа. В адском пламени пылали танки, рвались машины со снарядами, люди сгорали заживо...

Другой котел, поменьше, возник восточнее и северо-восточнее Бобруйска, где действовала 3-я армия. Здесь немцев из разбитых частей набралось до 15 тысяч, целая дивизия, и рвались они прямо на север, на соединение с 4-й армией, которая еще держалась.

В ночь с 27 на 28 июня немцы большими группами по 300—400 человек вышли сразу в нескольких местах к шоссе Могилев—Бобруйск и столкнулись с нашими частями...

Поскольку наша 413-я стрелковая дивизия и переданный ей в предыдущие сутки 131-й минометный полк имели задачу не пропустить немцев из Могилева в Бобруйск, на выручку окруженному гарнизону, позиции наши были повернуты в сторону Могилева, тылом к Бобруйску. Выходившие с юга по шоссе немцы и натолкнулись прежде всего на наши тыловые части.

Иван Васильевич Поваляев, командир 131-го минометного полка, в происходящем разобрался мгновенно, минометы развернул на 180 градусов и приказал бить по атакующим немцам прямой наводкой и беспрерывно. Минометные позиции прикрыла наша пехота, немцев до минометов не допустили. Ночной этот бой

продолжался до самого рассвета, какая-то часть немцев все равно прорвалась, просочилась через большак в соседний лес, там засела, но основную массу не пустили — частью побили, частью отбросили. Потом, уже днем, посчитали — немцы оставили на линии 730 трупов, 11 из них офицеры.

Что с уважением к своим минометчикам отметил Поваляев — полк в ночном бою показал себя превосходно, никто не струсил, не дрогнул, когда хлынувшие из лесу немцы навалились на тыл полка. Иные из его минометчиков ходили с нашей пехотой в контратаки. Поваляеву доложили, что и тыловики показали себя наилучшим образом: повар Белоусов, старший сержант, и сапожник Бучнев, младший сержант, отличились при захвате пленных, и он приказал Орлову, начальнику штаба полка, включить этот факт в оперативную сводку. Потери полка в ночном бою оказались незначительными: во время контратаки пропал без вести один солдат, убит один сержант, легко ранена санинструктор...

Поваляев спросил Орлова — фамилию санинструктора вам доложили? Орлов, не заглядывая в бумаги, ответил — знаю я ее, Мешерина, ничего, она тут отлежится.

С гвардии майором Д. М. Репкиным и его 210-м минометным полком судьба обошлась в ту ночь покруче: полк находился в районе Старусы, один, сам по себе, без стрелковых частей. 348-я дивизия, которой был придан полк, ушла вперед, когда Репкину разведчики доложили — по шоссе продвигаются немцы. Понимая, чем может обернуться для него бой без своей пехоты и не считая возможным уклониться от боя, открыть немцам дорогу, майор Репкин доложил по радиации обстановку в штаб бригады. Ушаков не спал, ответил немедленно — было 3 часа 40 минут ночи: занять позиции, перегородить шоссе; часть людей выделить в стрелковые цепи, прикрыть огневые позиции; принять бой и немца не выпустить.

На занятие позиций полку понадобилось 15 минут, ровно в четыре немцы лавиной ринулись по большаку на прорыв...

Потом, уже днем, когда все кончилось, разобрались, что прорывалась из окружения 295-я немецкая дивизия при пяти артдивизионах. Не зная, не распознав в суматохе ночного боя, что перед ними сплошного

фронта нет, что русский фронт всего-то полтора километра, а справа и слева от него пустота, немцы отчаянно штурмовали эту полуторакилометровую линию — их накрывали минометными залпами, затем гвардии капитан Михайлов, гвардии старший лейтенант Зурабов и гвардии лейтенант Бурлуй бросались со своими солдатами в контратаки, отбрасывая немцев подальше от огневых позиций. Последняя, восьмая, немецкая атака была отбита уже утром, при ясном свете, и после нее немцы, смирившись, видимо, с тем, что здесь им не пробиться, повернули обратно.

В этом бою немцы потеряли убитыми 620 солдат и 20 офицеров, в плен сдалось 435 человек, полк даже разжился богатыми трофеями: взяли 62 лошади; себе, правда, оставили 8, остальных сдали на сборный пункт.

Однако эта победа дорого обошлась полку: погибло в контратаках 18 человек, 25 ранено. Отличились в ночном бою буквально все, но наградные документы оформлял уже не Репкин, а перешедший на его место из 115-го полка гвардии подполковник К. Е. Яценко, и при оформлении документов получилась недостойная, вздорная возня вокруг одного славного пацана.

В 210-м полку при автопарковом взводе прижился еще с сорок третьего года белорусский паренек Коля Галоганов; было ему 16 лет, занимался ремонтом автомашин, был расторопен, покладист, любое поручение бросался исполнять бегом; в ту жуткую ночь на 28 июня, когда отбивали немецкие атаки, он лег со всеми в цепь, и стрелял, и поднялся с солдатами в контратаку — лично, на глазах у бойцов застрелил двух немецких солдат и одного офицера.

Яценко, приняв полк, включил Колю Галоганова в приказ и от имени Президиума Верховного Совета СССР своей властью наградил мальчишку медалью «За отвагу».

Было это в последний день августа, бои на Вислинском плацдарме, о которых речь впереди, в те дни как-то поутихли, и Яценко, выбрав минуту, вручил мальчишке в бою добытую медаль. Однако несколько дней спустя Ушаков получил из штаба фронта пренеприятную бумагу за подписью гвардии полковника Евдокимова, заместителя начальника отдела кадров. Евдокимов указал, что награждение Коли Галоганова в компетенции только Военного совета фронта, Коля Галоганов не сол-

дат, а воспитанник, и комполка наградить его не мог.

Ушаков поморщился, вызвал Яценко, дал прочитать бумагу. Тот прочитал, схватился за голову — вот крючкотворы! Вот чернильные души! Да разве можно сейчас отобрать у мальчишки медаль?

Ушаков усмехнулся — кто сказал: отобрать? Готовь по всей форме представление на имя Военного совета, на медаль «За отвагу», подпиши и представь мне. Я тоже подпишу. Пусть Военный совет фронта рассматривает, раз это в его компетенции, а Галоганов твой пусть медаль так и носит.

Однако вся эта возня вокруг медали для подростка будет потом, в августе-сентябре, а в те два последних июньских дня 1944 года 131-й и 210-й полки донесли о результате боев в ночь на 28-е. Ушаков, читая оперативные сводки, и радовался, и плакал: радовался тому, что его солдаты, его люди не осрамились; плакал из-за того, что в одну ночь 210-й полк потерял почти 50 офицеров и солдат! За год вся бригада, все четыре полка потеряли 1000 человек (выходило по одному в сутки на полк), а тут сразу, в одну ночь — почти 50! Ведь он же их учил, школил, они же минометчики, мастера! И такие потери!

День 28 июня прошел спокойно.

Дивизии 3-й армии в этот день взяли Осиповичи, Бобруйский гарнизон все еще ожесточенно сопротивлялся, но теперь он оказался в плотном кольце, на помощь к нему прийти никто не мог: наши войска все в том же стремительном темпе продвигались на запад, к Минску. В Ставке теперь планировали для 1-го Белорусского фронта на первые числа июля наступление на Брест и Барановичи, захват плацдарма на Западном Буге.

Немецкий фронт в Белоруссии теперь действительно рухнул, развалился: в Бобруйском котле догорала 9-я армия, севернее, у Витебска, агонизировала в огромном котле не сумевшая вырваться 3-я танковая армия; у Могилева в могучих клещах наступавших русских войск гибла 4-я армия — никакого фронта перед советскими войсками больше не было.

Гитлер сместил генерал-фельдмаршала Буша, на его место был назначен Вальтер Модель — он запросил у Гитлера новые войска, чтобы остановить русских на линии Ковель—Луцк.

...Немецкий гарнизон Бобруйска капитулировал 29 июня. 30 июня продвинувшиеся далеко на запад от Бобруйска войска освободили Слуцк, 2 июля взяты Столбцы и Городель. 3 июля освобожден дотла сожженный Минск — здесь, у Минска, снова котел, при его разгроме немцы потеряли убитыми 70 тысяч человек, 35 тысяч взяты в плен, среди них 12 генералов. Это их, продержав несколько суток на стадионе «Динамо», провели 17 июля позорным маршем по Садовому кольцу Москвы, как в древнем Риме вели побежденных вслед за триумфатором...

Для 35-й минометной бригады, для Н. Г. Ушакова эта неделя, с 29 июня по 3 июля, прошла далеко от фронта: генерал Казаков, разобравшись в действиях Ушакова и его полков, нашел, что Ушаков прав. У минометной бригады — огромная огневая мощь, надо уметь управлять этой мощью, но командиры дивизий, командир 35-го корпуса до понимания этого не дозрели... 29 июня последовал приказ Казакова: 35-ю отдельную гвардейскую минометную бригаду вывести из подчинения штабу артиллерии 3-й армии в резерв командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта.

Однако при всем при том Казаков нашел, что при прорыве немецкой обороны севернее Бобруйска 35-я минометная бригада проявила мужество и высокую выучку, учел героизм солдат и офицеров в ночных схватках с окруженными немцами и представил бригаду к награде.

2 июля 1944 года Президиум Верховного Совета СССР наградил бригаду орденом Красного Знамени.

▼

Генерал Казаков продержал бригаду в своем резерве до 6 июля. Ушаков в эти считанные дни успел пополнить убыль в людях, довел боезапас почти до трех комплектов. Штаб бригады расположился в Новом поселке, полки рассредоточены вокруг, и Николай Григорьевич все дни проводил в полках, проверял минометы, работу связи, говорил с командирами полков: очень его заботило, чтобы те не подкачали, если все же придется через столько-то дней воевать всем вместе, всей бригадой. 6 июля бригада получила приказ Казакова: собрать полки на станции Уза...

К фронту бригада подвигалась медленно, и не потому, что пути, только что заново уложенные, не позволяли мчать во весь опор — готовился новый удар, прыжок за Буг, немцы не должны были заранее раскрыть, что к месту наступления подтягиваются новые части, потому три эшелона бригады двигались только по ночам, днем отставались на лесных тупиках.

Лишь 12 июля Ушаков выгрузил бригаду, притом два эшелона на станции Повурск, один — на станции Холобы. С этого дня, 12 июля 1944 года, бригада вошла в подчинение 69-й армии, и Ушаков думал: что он собой представляет, генерал-полковник Колпакчи, командующий армией? как распорядится бригадой?

«ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ!»

«Польский народ никогда не забудет, что он получил свободу и возможность восстановления своей независимой государственной жизни благодаря победам советского оружия и благодаря обильно пролитой крови героических советских бойцов.»

Из посланий Крайовой рады народной
от 20 января 1945 г. Советскому правительству.

I

Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский к началу июля готовил новую операцию, которая логически вытекала из событий предыдущих недель.

Главный удар Рокоссовский планировал нанести южнее Бреста, сюда он нацелил шесть армий, в том числе и Первую армию Войска Польского. Здесь же была выделена и полоса наступления для 69-й армии генерал-лейтенанта Владимира Яковлевича Колпакчи: армия развернулась южнее Ковеля, направление удара — на Хелм, прямо на запад; вторым эшелонам, за спиной армии, стали братья-поляки...

Какой разговор был у генерала Казакова с Колпакчи, Николай Григорьевич так никогда и не узнал: слыш-

ком велика дистанция от командира минометной бригады до командующего армией, чтобы тот без веских на то оснований пересказывал полковнику разговоры между высокими генералами. Но Колпакчи, подчиняя бригаду Ушакова командиру 91-го корпуса и его командующему артиллерией, видимо, передал пожелание Казакова: бригаду не растаскивать...

Корпусу поставили задачу: начать наступление на позиции немцев в районе Пшевалы — Дольск, прорвать оборону, выйти к Западному Бугу в районе Раковец и, форсировав его, закрепиться на том берегу.

Ушаков получил приказ: огнем бригады поддержать удар 370-й стрелковой дивизии. Огнем всей бригады, всех четырех полков — наступление одной дивизии. Большого для себя Ушаков желать не мог. Вот теперь бригада покажет, какова ее огневая мощь.

Стоявшие перед ним 342-й пехотный полк и 554-я боевая группа успели оборудовать линию обороны — траншеи полного профиля, проволочные заграждения в один-два кола; полковые разведчики выявили минные поля, до двенадцати пулеметных точек на высоте 204,6, что нависла над поросшей кое-где лесом равниной. В глубине немецкой обороны, у села Сосновка, высился пологий холм (по карте он значился как высота 202,4), там предполагались немецкие резервы. В трех-четыре километрах за первой линией немцы соорудили вторую, тоже с траншеями полного профиля и укрытиями для пехоты, чтобы было где отсидеться от нашего арт-огня. Правый фланг немецких позиций упирался в густой огромный сад у Дольска; левый фланг немецкого фронта надежно прикрывала высота 204,6, всего же неудобнее было то, что с нашей стороны немецкие позиции просто не просматривались.

Маршал К. Рокоссовский и командующие армиями решили, что наступление начнется без общей артподготовки: передовые батальоны сначала атакуют немецкие позиции, и если окажется, что немцы свою пехоту из передовых траншей не отвели вглубь позиции, тогда разведка боем без паузы, сходу, перерастет в общее наступление.

17 июля 1944 года передовые батальоны 312-й стрелковой дивизии 91-го корпуса атаковали немецкие позиции, прикрывавшие подступы к злосчастной высоте 204,6. Ушаков приказал всем разведчикам, всем штаб-

ным офицерам выйти в наши траншеи переднего края, с этой высоты во время боя глаз не спускать, засечь все, что оттуда, от немцев, стреляет: хоть орудие, хоть пулемет, хоть миномет.

События этого дня — 17 июля — маршал Рокоссовский позже описал в книге «Солдатский долг»: он в ходе боя находился на передовом наблюдательном пункте. Наши пехотные батальоны и танки немцы встретили сильным артогнем; наши бросили на подавление немецких артиллерийских позиций небольшие группы самолетов — их перехватили немецкие истребители, бомбить не дали. К вечеру кое-где наши батальоны все же ворвались в первую траншею — сопротивление немцев всюду было отчаянно-упорным, нигде они не бежали и не сдавались. Рокоссовский понял: наши батальоны натолкнулись на главную линию обороны, можно наносить удар.

Мощный огневой вал обрушился на немецкие линии ранним утром 18 июля. По плану огня, который утвердил Ушаков, бригада нанесла удар по склонам высоты 204,6 и вела стрельбу по разведанным целям сто минут. Позже, когда высота была взята, захваченные в плен немецкие солдаты, еще потрясенные, еще не пришедшие в себя, рассказывали, что от обрушившегося на них огня каждый третий либо погиб, либо был ранен; что огневой удар — одновременно со всех сторон — полностью подавил оборону высоты и дезорганизовал управление войсками.

На нашем левом фланге, у Дольска, пехота 370-й дивизии встретила ожесточенное сопротивление противника, продвижение полков приостановилось. Угроза немецкого контрудара во фланг была реальной. Ушаков, находясь безотлучно на КП командующего артиллерией дивизии и понимая, чем грозит немецкий фланговый удар, обрушил на вражеские позиции у Дольска массированный огонь двух своих полков, 114-го и 212-го. В 9 часов 30 минут Дольск был взят.

К этому времени передовые части 370-й дивизии вышли к окраинам Сосновки и восточным скатам высоты 202,4, но прорваться сквозь немецкий огонь не смогли, залегли. И снова Ушаков решил судьбу боя: у него так было спланировано, что треть дивизионов передвигается по мере продвижения пехоты, две трети стоят на огневых позициях и готовы открыть огонь. На

данную минуту боя в пределах досягаемости минометного огня стояли на ОП дивизионы 114-го, 210-го и 131-го полков; командиры полков по вызову Ушакова откликнулись мгновенно — Ушаков указал цель, дал координаты, и мощный огневой вал забушевал над немецкими траншеями, и снова немцев вышибли из их позиций, и они наконец покатались к Западному Бугу, не оказывая более сопротивления, торопясь перебраться через реку, спастись на той стороне.

За Западным Бугом земля была польская, и по войскам политработники читали заявление Советского правительства: «Советские войска вступили в пределы Польши, преисполненные одной решимостью — разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой сильной и демократической Польши».

Как все люди того поколения, к которому принадлежал Николай Григорьевич, он о старой довоенной Польше мог думать только как о стране враждебной нам: белополяки захватили у нас летом 20-го и Минск, и Киев. Молодежь записывалась добровольно в Красную Армию, воевать на польском фронте; после подписания мира Польша, за которой стояла вся могучая Антанта, удержала в своих руках земли Западной Украины со Львовом и Западной Белоруссии с городами Лида, Барановичи и Гродно. Та, панская Польша стала на долгие годы прибежищем для белогвардейщины, для всяких банд — время от времени они совершали дерзкие кровавые рейды по нашим западным землям, оставляя после себя пепел, кровь и слезы... К той, старой, панской Польше, к Польше пана Пилсудского у нас в сердце, в душе ничего доброго быть просто не могло, и в душе Николая Григорьевича тоже ничего доброго не было.

В 1939 году, в сентябре, когда Николай Григорьевич, вновь призванный из запаса на службу, занимал скромную должность помначштаба 74-го арtpолка, начался освободительный поход Красной Армии в Западную Украину и в Западную Белоруссию. Польша Пилсудского и его преемника маршала Рыдз-Смиглы тогда развалилась под немецкими ударами, ее не стало за две недели, и Красная Армия, выйдя к линии Керзона, поставила новую границу Советского Союза, и немцы

эту границу признали. Пакт с Гитлером благим делом в полку не считался, хотя рассуждать на эту тему не было принято — не то, чтобы боязно было, просто после потрясения в армии двухлетней давности люди точно знали, о чем можно толковать между собой, о чем не следует. О пакте говорить избегали, а присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии считалось среди командиров делом благим.

Потому, в эти июльские дни, гоня фашистов за Западный Буг, никто в бригаде не ощущал, что ступает по чужой земле, и Николай Григорьевич так не считал: до реки земля была своей, нашей, белорусской.

Теперь, после 21 июля, пошли по польской земле, что и как тут сложится, как примут их поляки, было неизвестно.

В 5 утра 22 июля передовые части 370-й дивизии «встретили огневое сопротивление противника» — так отмечено в докладе о боевых действиях бригады. Немцы, успев за сутки создать некое подобие обороны перед городом Хелм, обстреляли нашу пехоту из орудий, укрытых в лесу, в километре от Вольванува. Сил нашей пехоты хватило выбить немцев и из леса, и из Вольванува, погнать их дальше, на запад. К 12 дня пехота 370-й дивизии вышла к южным и западным окраинам Хелма — города старинного, еще в XIII веке в Белявице, на северной окраине Хелма, стоял «грод», замок галицких князей. Хелм потому и называли Хелм, что ставили его в давние времена на меловом холме высоко в небо возносились шпили приходского костела и униатского кафедрального собора...

Драться за город немцы по-настоящему не стали — к часу дня Хелм был освобожден весь, части 370-й дивизии продвинулись километров на шесть западнее и заняли станцию Завадувка. Левый фланг дивизии оказался открытым, и на сей раз немцы этим воспользовались: в 18 часов, сразу после артналета, атаковали фланг 1230-го стрелкового полка. Дело могло бы обернуться худо, но в боевых порядках нашей пехоты находился один из полков минометной бригады Ушакова — 114-й. Для командира полка, гвардии подполковника Борзых, этот бой был последним: сутки спустя, 23 июля полк примет его заместитель по строевой части гвардии майор Сенин. Но тут Борзых не растерялся — ударил по атакующим немцам обоими дивизионами, остановил,

прижал к земле, заставил попятиться... Огневые позиции для полка Борзых выбрал удачно — у костела села Покрувка, отсюда, с холмистой гряды, немцы были видны как на ладони...

С утра 23 июля 1230-й стрелковый и 114-й минометный полки двинулись вперед. Противник перед ними отходил, огрызаясь — теперь, после взятия Хелма, перед 91-м корпусом лежал древний, выдержавший в минувшие века множество татарских, литовских и украинских осад и нашествий и все же уцелевший Люблин...

II

22 июля, когда 69-я армия генерала Колпакчи очищала от немцев город Хелм, Рокоссовский севернее его ввел в прорыв у города Любартув 2-ю танковую армию генерала С. И. Богданова — сотни бронированных машин, отрываясь от остальных армий фронта, ринулись на Люблин.

75 километров до Люблина танки и мотопехота прошли за день — вечером того же дня передовые части армии достигли окраин Люблина, но овладеть городом сходу танкисты не смогли: немцы сдаваться не хотели...

91-й стрелковый корпус 69-й армии 23 июля продвигался медленно, немцы хоть и отходили, но то и дело контратаковали, легкой победы здесь не было. Сломить их сопротивление смогли только утром 25 июля.

Люблин был уже свободен. 370-я дивизия и минометная бригада Ушакова в город для боевых действий не вводились. Они вышли в тот же день на рубеж Дзесанта — Глуск — южнее Люблина и закрепились на восточном берегу реки Чернеювка.

Минувшими боями Ушаков был вполне удовлетворен: бригада показала свою мощь, маневренность. Солдаты воевали храбро, беззаветно, в свое оружие верили, званием гвардии минометчика гордились; офицеры, что младшие, что штабные, подобрались все толковые, инициативные, кого ни возьми, воевали грамотно; что до командиров полков, то все были как на подбор, на любого из них Ушаков в любое время мог положиться полностью — и на гвардии майора Сенина, комполка 114-го, и на командира 115-го полка гвардии подполковника Яценко, и на гвардии майора Повалева, с мая

принявшего 131-й полк, и на гвардии майора Репкина, командира 210-го полка.

Пауза в наступлении кончилась сутки спустя: 26 июля генерал Колпакчи забрал бригаду из 91-го корпуса и перебросил ее севернее, подчинив командующему 61-го корпуса — корпус этот, отбрасывая немецкие заслоны, широким фронтом выходил к Висле.

Ушаков, поручив бригаду начальнику штаба Карчевскому, прибыл по вызову в штаб артиллерии корпуса. Когда ехал, было у него доброе предчувствие, даже уверенность: после того, как бригада показала себя у Дольного и на высоте 204,6, должны пехотные начальники убедиться, что массированный огонь бригады — вещь серьезная. Значит, и теперь должны оставить бригаду в одном кулаке, по дивизиям, тем более по стрелковым полкам не растаскивать...

Все получилось и так, как думал Ушаков, и немного не так.

Командующий артиллерией корпуса, внимательно выслушав доводы и соображения Ушакова, взял остро отточенный карандаш, стал водить им по карте, едва не касаясь бумаги — бригаду твою, Николай Григорьевич, мы действительно растаскивать не станем, ни по полкам, ни даже по дивизиям. Бригада твоя будет подчинена мне лично, только распредели ее сам на две подгруппы по два полка. Отвожу каждой подгруппе свои полосы наступления, в пределах полос двух стрелковых дивизий, 312-й и 117-й. Командиров подгрупп свяжешь напрямую с командирами дивизий, на себя возьмешь организацию огневого взаимодействия своих подгрупп. Каждой подгруппе определи цели, схему огня в их полосе, плюс сектора огня в полосе соседа. Завтра в ночь будем форсировать Вислу. Знаешь, 2-я танковая армия вышла к Висле еще два дня назад, полезла в воду, не разведав броду, и немцы им вложили ума... На той стороне у них вроде подошла танковая дивизия СС «Герман Геринг», а что эти гады драться умеют, — надеюсь, не возражаешь? Вот и не будем подставлять шею, чтобы немцы ее нам намылили. Мы с тобой лучше сутки возьмем на подготовку, потом уж ударим...

Командующий артиллерией корпуса об Ушакове, одноруком полковнике, и его минометной бригаде был уже слышан, и все же, пожимая на прощание его левую руку, испытывал некое подобие неловкости, словно был

перед ним не боевой офицер, волевой и, очевидно, умный, а беспомощный калека...

Ушаков таким разговором был в высшей степени доволен: командующий артиллерией корпуса, слушая его доклад, все точно уловил и его, Ушакова, собственные мысли так изложил, словно сам до всего додумался.

Бригада Ушакова подошла к берегу величавой реки в 16 часов 28 июля.

На той стороне виднелись по-за деревьями черепичные крыши деревни Гняздуков и поодаль — Люцимия. Ушаков считал, что в этом месте переправу проводить удобнее всего: здесь посредине Вислы лежали два острова, от противоположного берега к ним тянулась широкая коса — будет где укрыться пехоте. На той стороне стояло село Бжесце. Ушаков еще не знал, как много крови будет здесь пролито русскими солдатами...

Поглядывая на ясное, чистое, без облачка небо, Ушаков сказал командирам полков — про маскировку не забывайте, а то разбаловались в эти недели, привыкли, что немцы не бомбят. Там танковая дивизия СС подошла, ее немцы авиацией точно прикроют. Сказал, как в воду глядел: на другой день, ровно в 15 часов, до 30 немецких пикировщиков обрушились и на переправу, и на наши боевые порядки. В минометах, правда, потерь не было, а двух офицеров потеряли: гвардии капитан Иордтий и гвардии старший лейтенант Внук выбыли из строя по ранению.

...Ушаков дал командирам полков Сенину, Поваляеву и Репкину 10 минут на сборы, потом повез всех на Вислу, к деревне Подгуж, на личную рекогносцировку.

III

Полки 312-й и 117-й дивизий 61-го корпуса начали переправу через Вислу в ночь на 29 июля. К утру удалось закрепиться на той стороне. Плацдарм получился крохотный, даже не один, а два: на левом фланге взяли Гняздуков, на правом — колонию Бжесце, из лежавшей между ними деревни Люцимия немцев в ту ночь выбить не удалось.

В боевые порядки пехоты Ушаков послал передовые НП. Сам со штабом на ближайшие двое-трое суток ре-

шил оставаться на этом берегу, в селе Добре. Правда, на другой день сам все и переиграл, но об этом ниже.

День 29 июля был тяжким: немцы штурмовали наши крохотные плацдармы непрерывно, переправы бомбили и обстреливали, но пехота мелкими группами все переправлялась и переправлялась на ту сторону.

С пехотой пошел гвардии старший лейтенант Василий Пермяков, командир минометной батареи из 131-го полка. Из колонии Бжесце он корректировал огонь — там, в пехотной цепи, ему все было видно: и как немцы поднимались в атаку, и как, накрытые залпами минометов из-за Вислы, откатывались назад, пятная черными трупами зеленую траву...

Для Ушакова этот день, 29 июля, был тяжким еще и потому, что при переправе на ту сторону погибло много людей, в их числе гвардии капитан Василий Бутенко, командир батареи из 210-го полка: неделю назад, при взятии Хелма, отличился, проявил храбрость, а на Висле не уберется... Ушаков, когда доложили о гибели капитана, сказал Карчевскому — Бутенке теперь все равно, а мы его к награде представим, пометь — орден Отечественной войны I степени. Дадут там или не дадут — не знаю, а мы свой долг перед его памятью исполним!

Получив согласие Ушакова, в ту же ночь вместе с пехотой 274-й дивизии переправился за Вислу и командир 131-го минометного полка Иван Васильевич Поваляев. На крохотном плотике, под огнем, под бомбежкой он пересек Вислу, и с ним вместе прыгнули в воду и выбрались на берег наблюдатели и полковые разведчики с рациями, и Поваляеву уже к утру 29 июля пришлось отражать три следовавших одна за другой яростные немецкие контратаки, и он прикрыл нашу пехоту столь плотной завесой огня, что плацдармик не просто удержался — его удалось расширить, оттеснить немцев от берега и вдоль по Висле. За этот бой, за личное мужество получил И. В. Поваляев орден Суворова III степени, Ушаков подписал реляцию неделю спустя, 7 августа, когда бои на еще больше расширившемся плацдарме были в самом разгаре, но уже ясно стало, что плацдарм удержим, что немцы нас не спихнут.

Словом, в конце июля — начале августа бои на Вис-

линских плацдармах кипели днем и ночью, однако ночь на 3 августа была, можно сказать, критической: немцы контратаковали нашу пехоту, 916-й полк был ими выбит из деревни Анджеюв и отошел на западную опушку Шляхетского леса. Немцев остановили только потому, что Ушаков нанес несколько сосредоточенных ударов обеими подгруппами, всеми четырьмя полками, и эсэсовцы сквозь плотную завесу огня не пробились.

Но едва немецкая атака захлебнулась, Ушаков начал переправу своих полков на тот берег. Тут я хочу дать слово самому Николаю Григорьевичу — в его личном архиве есть воспоминания о событиях той критической ночи:

«...Я решил... под прикрытием двух минометных полков на подручных средствах переправиться на западный берег. Каждый минометный расчет и отделение готовили себе плотки, разбирая постройки в селе Добре. С наступлением темноты все переправочные средства были готовы... По сигналу серии красных ракет два минометных полка открыли ураганный огонь до предельной технической возможности по западному берегу реки Висла. А я с двумя полками начал переправу...»

Немцы, заметив в неверном, зеленоватом свете ракет, которыми они то и дело освещали Вислу, движение на реке, вызвали авиацию — бомбежка, минометный и пулеметный огонь были густыми настолько, что, как вспоминал позже Николай Григорьевич, «на реке... стояли беспрерывно водяные столбы, и вода буквально кипела», но остановить переправу минометчиков немцам не удалось.

В ту ночь на западный берег переправился полностью 114-й полк гвардии майора Сенина; ближе к рассвету приступил к переправе 131-й полк Повалева. Героизм людей при переправе был воистину массовым — в огромном томе штабных документов многие сотни реляций на солдат и офицеров, подписанных Ушаковым. Не все из представленных получили причитающиеся им награды: иные реляции не утвердило вышестоящее начальство, кто-то из представленных погиб прежде, чем успели вручить ордена и медали. Ушаков не то, чтобы щедрой рукой разбрасывал награды кому попадет — нет, он лишь воздавал должное своим людям, их мужеству, их боевому порыву, их презрению к смерти,

которая ходила тенью за спиной каждого и которой никто не боялся.

Но с особым пристрастием, пожалуй, даже с ревностью Ушаков относился к своим землякам, к тем офицерам и солдатам, которые призваны были из Кузбасса — этих он отличал, за них переживал, полковые репортажи на них подписывал с чувством удовлетворения и гордости:

Будяков Алексей Тимофеевич, гвардии сержант, старший разведчик, проживал в Топкинском районе — засёк три немецких пулемета, указал координаты, и цели были уничтожены; вместе с пехотой участвовал в рукопашной схватке. За это ему — орден Красной Звезды;

Романов Дмитрий Степанович, гвардии младший сержант, старший радист, проживал на станции Тяжин — перебрался с рацией через Вислу, в течение 12 часов обеспечивал бесперебойную связь с полком, прикрыл огнем минометов плацдармик — за такое Ушаков посчитал нужным наградить тяжинца орденом Красной Звезды;

гвардии лейтенант Чирцов Дмитрий Павлович из Ленинска-Кузнецкого — самолично переправлялся через Вислу с автомашинами, под огнем, под беспощадной бомбежкой доставлял дивизионам мины — и этому орден Красной Звезды;

такой же орден и гвардии рядовому Иванову Василию Ивановичу — этот двадцатилетний шофер из Чусовитино, дважды раненный в апреле и августе 1942 г., вернулся на фронт, при переправе через Вислу проявил героизм и бесстрашие, спас и машину, и офицеров батареи управления — этому тоже орден Красной Звезды;

Баталов Василий Григорьевич, гвардии старшина, родом из села Покровка Ленинск-Кузнецкого района — этому орден Славы III степени за то, что под древней Яновице огнем своего расчета поддержал атаку пехотного полка, притом сам попал под немецкий артолет, но огня не прекратил, люди по укрытиям не разбежались...

Словом, Николаю Григорьевичу, как командиру бригады, за своих земляков краснеть не приходилось: воевали достойно...

Бои на плацдарме не утихали весь август и сентябрь.

На правом фланге плацдарма высились на вершине стометрового холма развалины крепости Яновец, разбитой еще в первую мировую войну. Здесь, у развалин, в начале августа закрепились дивизионы 210-го полка, и все попытки немцев выбить минометчиков и нашу пехоту кончились ничем. Немцы перенесли атаки южнее по фронту, к Дольне.

Потом крепостные развалины Яновец стали «тылом» — передовая линия плацдарма продвинулась дальше на север и на запад: по сводкам бригады видно, что на 24 августа линия фронта проходила на рубеже Томашув, а в Яновец Ушаков перенес свой штаб. Однако все попытки продвинуться дальше наталкивались на упорное сопротивление немцев.

Ушаков в эти дни ухитрился написать статью «Использование минометной бригады РК в наступлении и обороне» для сборника «Боевой опыт артиллерии в Отечественной войне». Ушаков все разложил по полочкам: почему и в наступлении, и в обороне предпочтительнее использовать бригаду как единое целое. Статья получилась емкой по содержанию и вместе с тем не громоздкой, всего десять страниц от руки. После перепечатки вышло шесть страниц — Ушаков статью подписал и отправил 19 сентября в штаб артиллерии 1-го Белорусского фронта, генерал-лейтенанту Г. С. Надьсеву.

О том, что генерал Казаков статью прочитал и одобрил, Николай Григорьевич узнал позже, когда бригада уже оставила плацдарм: 25 сентября приказом № 0419 Казаков вывел полки Николая Григорьевича в свой резерв и перебросил в город Турув.

МЕЖДУ ВИСЛОЙ И ОДЕРОМ

«...Немцы из кожи вон лезут, чтобы ликвидировать плацдармы. Нам очень трудно их удерживать, и мы теряем много людей. Учтите, что у нас за плечами более двух месяцев непрерывных боев... И Красная Армия может временами уставать. Наши потери очень велики.»

Из беседы К. Рокоссовского с английским корреспондентом в Москве А. Вертом
26 августа 1944 г.

I

В середине октября 1944 года бои на Вислинских плацдармах затихли. Наступила оперативная пауза. И наши войска, и немецкие знали, что долго она не продлится, что каждый новый день приближает тот час, когда наше наступление возобновится; притом немецкое командование планировать наступательные операции не могло, речь шла либо об обороне, либо об «уничтожающих контрударах».

В середине же октября маршал Рокоссовский и его штаб начали отрабатывать план следующей фронтовой операции. Теперь Рокоссовский считал, что он в состоянии нанести удар такой мощи, чтобы в три-четыре недели изгнать немцев с территории Польши, выйти на линию Одера.

Варшава, лежавшая в центре немецких позиций, к тому времени была мертва, августовское восстание варшавян было подавлено, командовавший здесь немцами генерал СС фон дем Бах-Зелевски даже иных из подчиненных удивил своей свирепостью...

12 ноября 1944 года Рокоссовский провел день на Казимежском плацдарме, у командующего 69-м корпусом генерала Колпакчи, с которым был давно и близко знаком: они вместе служили в Белорусском военном округе еще в 1930—1931 годах. В этот свой приезд на плацдарм Рокоссовский отработывал с Колпакчи варианты наступления. В штаб фронта Рокоссовский вернулся к вечеру и, как позже писал в своих воспоминаниях, собрался было поужинать, однако не успел: де-

журный офицер доложил, что товарища маршала вызывает по ВЧ Ставка...

Звонил Сталин. Он сказал, что с 1-го Белорусского фронта Рокоссовский перемещается на 2-й Белорусский, а 1-м будет командовать маршал Жуков. Понимая, видимо, состояние Рокоссовского, Сталин добавил, что Рокоссовскому разрешается взять с собой на новое место службы тех работников штаба и управления, с которыми сработался за годы войны. Рокоссовский не зря был любимцем всей армии — он и тут проявил благородство, ответив Сталину, что никого с собой не повезет, надеется и на новом месте найти новых товарищей.

Жуков вступил в командование 1-м Белорусским фронтом 16 ноября, План наступления, предложенный Рокоссовским, остался в силе и был утвержден Ставкой в конце ноября. Ориентировочная готовность фронта была определена — с 15 по 20 января 1945 года.

Однако у войны, тем более такой, какой была вторая мировая, и законы были свои.

В ночь с 15 на 16 декабря 1944 года четыре немецкие армии — 1-я, 6-я танковая СС, 5-я танковая и 7-я — завершили выход на исходные позиции. 15 декабря командующий Западным фронтом генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт издал приказ: «Солдат Западного фронта! Пробил твой великий час! Могучие атакующие армии выступят сегодня против англо-американцев. Больше мне говорить ничего не нужно...»

Наступление немцев началось в 5 часов 30 минут 16 декабря, первый день боев решающего успеха немцам не принес, американцы держались. Однако союзное командование до 17 декабря не могло реально оценить всей силы немецкого удара, а затем все рухнуло: немецкие танки вышли к Мальмеди, Хонсфельду, Бюллингену.

24 декабря 1944 года английский премьер-министр Черчилль прислал Сталину очень выдержанное письмо, но сквозь полные достоинства строчки Сталин ясно прочитал мольбу о помощи:

«Я не считаю положение на Западе плохим, но совершенно очевидно, что Эйзенхауэр не может решить своей задачи, не зная, каковы ваши планы... Наша уверенность в наступлениях, которые должны быть приняты русской армией, такова, что мы никогда не

задавали Вам ни одного вопроса раньше, и мы убеждены теперь, что ответ будет успокоительным...»

Сталин приказал передвинуть начало нашего наступления на Висле с конца на середину января. Будут ли полностью готовы армии 1-го и 2-го Белорусского, как и 1-го Украинского фронтов к наступлению на две недели раньше, Сталин не спросил ни Жукова, ни Рокоссовского, ни Конева: в любом случае попавших в беду союзников надо было выручать...

II

После сентябрьского приказа о выводе бригады Ушакова в резерв фронта полки в одну ночь переправились на паромах на правый берег Вислы и проследовали своим ходом, на ревущих от натуги «студебеккерах» в тыл: Казаков определил им место расположения в местечке Турув, рядом с лесом графа Потоцкого.

Сколько будет длиться передышка на этот раз, Ушаков не мог знать, но для себя — с учетом равновесия сил наших и немецких — полагал, что месяц-полтора. Ему, так он считал, этого времени вполне достаточно, чтобы после двух месяцев непрерывных боев на Казимежском плацдарме, после кровавых потерь снова склотить батареи и дивизионы, заменить офицеров, либо погибших, либо выбывших по ранению, а как много их теперь не доставало в поредевших полках...

Ушаков снова, как весной, перед Бобруйской операцией, школил людей, послабления не давал и скидок на усталость не делал. Учил офицеров, как организовать массированный огонь, но находил время и для другого: ездил по полкам, при развернутых гвардейских знаменах вручал лично ордена и медали награжденным. Считал своим долгом увидеть глаза каждого из тех, кто сражался рядом с ним на Казимежском плацдарме и проявил мужество, и не дрогнул душой...

Среди многих фронтовых фотоснимков Николая Григорьевича отыскался один — он снят здесь, в Турувском лесу, в один из дней теплого уходящего сентября.

Николай Григорьевич на лавочке, рядом офицер в польском мундире — это подполковник Туркевич, до недавнего времени заместитель командира бригады по тылу. Форма на нем польская, потому что он перешел

на службу в Войско Польское, ордена на груди наши, и знак советской гвардии оставил...

У обоих, у Ушакова и Туркевича, спокойные, чуть задумчивые лица, они и не позируют вовсе, а, видно, отвлеклись на секунду-другую от какого-то очень важного разговора, обернулись на просьбу фотографа. Огромные густые деревья шелестят тихонько за их спинами, у ног по праву друга устроилась овчарка...

1-я Польская армия эти два тяжких месяца, июль и август, сражалась на Магнушевском плацдарме, по течению Вислы пониже Казимежского, о польских солдатах шла добрая слава, и что удар дивизии СС «Герман Геринг» на себя приняла и выдержала, и нашла силы оттеснить немцев, отбросить.

Весь этот год Туркевич всегда был рядом, Николай Григорьевич к нему привык, лучшего зама по тылу желать себе не мог: у Туркевича всё и всегда было «перши клясс!», и Ушаков как-то не задумывался, что предки Туркевича — поляки... А тут Туркевич подал рапорт, и как ни жалко было расставаться, Николай Григорьевич удерживать не стал.

Октябрь и ноябрь минули — Ушаков и не заметил как: для него занятия и полевые учения, проверки боеготовности и строевые смотры шли непрерывно. Перед самым 1945 годом в бригаду прибыл генерал Казаков: привез для знамени бригады заработанные ратным трудом ордена Боевого Красного Знамени и Богдана Хмельницкого. Первый орден — за бои в Белоруссии, по ликвидации Бобруйского котла; второй — за бои на Казимежском плацдарме. Для Николая Григорьевича Казаков тоже привез орден: воинское мастерство Ушакова, умелое управление массированным огнем всей бригады он оценил очень высоко. Такие действия Ушакова свидетельствовали о его воинской зрелости, о больших его возможностях, и Казаков представил Николая Григорьевича к ордену Суворова. Орден этот по статусу давался тем военачальникам, которые смогли выиграть наступательную операцию с меньшими, чем у противника силами. Указ о награждении Ушакова последовал еще 8 ноября, и теперь самого Николая Григорьевича ждала награда, выше которой для военного человека мог быть только орден Победы...

Генерал Казаков все в полках осмотрел, остался доволен. Перед фронтом замершей в торжественном

строю бригады Казаков собственноручно прикрепил к знамени оба привезенных ордена, поздравил гвардейцев и пожелал новых побед в предстоящих боях.

Ушаков в заломленной на затылок папаше стоял позади генерала, слева от знамени, бригадный фотограф в эту минуту великого торжества его запечатлел: лицо совсем спокойное, почти безразличное... Ушаков же думал: генерал Казаков был в бригаде в апреле, поздравлял солдат и офицеров с первой годовщиной создания бригады, все проверил и через месяц бросил бригаду в бой; вот снова все повторяется: генерал Казаков в бригаде, все осмотрел и наградил... Значит ли это, что в конце января Казаков опять бросит бригаду в бой? Как человек истинно военный, Николай Григорьевич знал, каковы пределы его отношений с командующим артиллерией фронта; потому понимал, что при всем добром отношении к нему генерала спрашивать его о начале новой операции нельзя...

Перед отъездом Казаков, прощаясь с Николаем Григорьевичем, сказал — о вашем массированном огневом наступлении, об организации огневого вала я докладывал членам Военного совета фронта. Ваш опыт признан поучительным, рекомендовано его распространить. И добавил, твердо зная, что Ушаков именно этих слов от него ждет, хотя спросить себе не позволит:

— Готовьте бригаду к маршу. Приказ вот-вот подпишу...

4 января Ушаков переправил бригаду через Вислу, на тот самый Казимежский плацдарм, который взят был прошлым летом под прикрытием его огня, который удержали и который весь усеян был могилами минометчиков 35-й гвардейской бригады.

Позиции Ушакову были определены южнее села Барычка, наступать предстояло на деревню Рудки, обходя справа все тот же Шляхетский лес и деревню Анджеюв, от которой после летних боев одно название и осталось.

III

Перед началом нашего нового наступления Ушаков успел сделать многое. Разумеется, прежде всего его разведчики до самого последнего дня, до сигнала атаки каждую ночь проникали через немецкие позиции в их

тыл. Одни поисковые группы возвращались благополучно, другие прорывались с боем, теряя людей, но в конце концов Ушаков получил довольно ясную картину расположения немецких позиций: противник успел создать основательную «ХКЛ», то есть «Хаупткамплиниэ», что означает по-немецки «Главная боевая линия». Глубина обороны достигала трех километров, между траншеями вырыты разветвленные ходы сообщения, построены укрытия для пехоты; станковые и ручные пулеметы немцы поставили во второй и третьей линиях траншей, на передней линии оставили небольшое количество кочующих пулеметов. В глубине немецкой обороны обозначились артиллерийские и минометные позиции, калибры орудий от 75 до 150 миллиметров, еще 7 минометных батарей; предполье немцы прикрыли колючей проволокой где в два, где в три кола, спиралями Бруно, минными полями — выходит, стоявшая перед ним 214-я пехотная дивизия немцев три месяца передышки тоже использовала максимально.

Николай Григорьевич приказал начштаба Карчевскому — готовь, Иван Иванович, к 11 января боевой приказ по бригаде: каждый полк чтобы имел огневые разъезды, так их назови; начальниками огневых разъездов назначь заместителей командиров полков по строевой части, они у нас все люди боевые, хоть сейчас ставь каждого на полк — не ошибешься. Задачу им поставь такую: после прорыва этой самой немецкой «ХКЛ» пусть идут вместе с пехотой, заранее определяют для своих полков удобные огневые позиции, маршруты выхода на них, чтобы смена позиций проходила без суеты, но и без ненужной затяжки по времени; еще запиши: в каждой батарее иметь перевозимые мостики, чтобы по ним переносить через немецкие траншеи минометы и боезапас; мостики на руках не таскать, выделить по одному «студебеккеру» на батарею...

Нет ничего удивительного в том, что командир бригады, полковник, думал перед наступлением не только о самом бое, но и о таких мелочах, как перевозимые мостики и «студебеккеры»: великий Суворов, готовя наступление, подсчитывал не только пушки, но и фашины, чтобы забросать крепостной ров, и даже количество топоров, чтобы прорубить просеку...

Но, разумеется, более всего Ушаков беспокоился об организации огневого наступления. Он хотел, чтобы

огонь бригады был массированным и потому наиболее действенным, с тем и поехал к командующему артиллерией 62-го Неманского стрелкового корпуса: в предстоявшем наступлении бригада должна была поддерживать огнем этот корпус 33-й армии.

Разговор с командующим вышел на удивление легким: он и Ушаков мыслили одинаково. Решено было, что три полка Ушакова, 210-й 114-й и 131-й, будут вести массированный многослойный огонь и этим огнем прорубят немецкие позиции перед фронтом 49-й дивизии; потом, когда дивизия пойдет вперед, минометные полки двинутся вместе с пехотой и подавят любое возможное сопротивление.

У Николая Григорьевича оставался еще один полк, 115-й, и он сказал генералу — есть еще одна мысль... Генерал посмотрел с любопытством: об Ушакове и его бригаде после боев на Казимежском плацдарме шла добрая слава, умение минометчиков воевать, мощь их огня теперь были очевидны, и генерал глянул на Ушакова именно с любопытством и ожиданием: что еще мог придумать этот однорукий полковник?

Ушаков произнес задумчиво: для прорыва можно было бы создать еще один минометный полк и действовать двумя подгруппами, в полосах наступления не только 49-й, но и соседней дивизии, и определить сектора для взаимной поддержки переносом огня...

Генерал все понял мгновенно — да, хорошо бы, а откуда я возьму пятый полк?

Ушаков усмехнулся:

— Можно было бы собрать вместе все батареи полковых минометов двух ваших стрелковых дивизий, 222-й и 49-й, будет как раз сводный полк. Я соединю его с моим 115-м, и у корпуса будет еще одна мощная группа артиллерийского прорыва. Если разрешите, командовать группой буду сам.

Командующий артиллерией только руками развел — ну, Николай Григорьевич, о таком использовании мощных минометных групп, скажу прямо, за войну нигде не слышал. Мне твой замысел по душе, доложу о нем командующему корпусом, генералу Воробьеву, но ты исходи из того, что разрешение тобою получено и планируй огневое наступление именно так: двумя группами из пяти минометных полков.

Командующий артиллерией 49-й дивизии, как и Ни-

колай Григорьевич, в полковничьем чине, с планом Ушакова согласился, тем более, что в его руки сваливался дар неоценимый: огневая поддержка трех минометных полков, а при необходимости и пяти! Он прикинул по карте, спросил — твои минометчики как это все в натуре изобразят? Не выйдет по той песенке: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги»?

— А как утвердим по плану, так все и изобразят, имеют богатый опыт.

— Ага. За первый день боя возьмем траншеи, за второй — выйдем к Сыцыне, вот сюда, и к Барычке, сюда вот. При продвижении твои минометчики огонь не ослабят? с темпа не собьются?

— Не ослабят и не собьются. У меня только треть минометных батарей в движении, две трети всегда на ОП, огонь ведут непрерывно.

— А через траншеи как перепрыгнешь? Они у немцев, знаешь, глубокие...

— Заготовлены мостки, на машинах подвезем и перебросим.

— Предусмотрел, что ли? — полковник улыбнулся, Ушаков ему все больше нравился.

Николай Григорьевич на улыбку не откликнулся, объяснил — сейчас приказ по бригаде готовлю, есть там и про мостки...

IV

Перед советскими войсками стояли в обороне 9-я армия (теперь ею командовал генерал танковых войск Смило, барон фон Лютцов), а также 4-я танковая и 17-я армии, это теперь была группа армий «А» под общим командованием генерал-полковника Гарпе. После летнего поражения 9-я и 4-я танковые армии несколько пришли в себя, но их боевая мощь была значительно ниже, чем до разгрома в Белоруссии: и по танкам, и по орудиям, и по самолетам, и по живой силе.

12 января, за неделю до намеченного срока, начали наступление войска 1-го Украинского фронта. 14 января пришли в движение войска 1-го Белорусского: ожили наши плацдармы под Магнушевым (здесь наступали 5-я ударная, 8-я гвардейская и 61-я армии) и у Казимежа, где удар наносили 69-я и 33-я армии.

С началом атаки передовых батальонов немцы ста-

ли спешно отводить свои войска с передовых траншей в глубину обороны, чтобы вынудить русских выдохнуться при первом напоре. Однако натиск советских войск развивался столь стремительно, что час-два спустя мероприятия командования 9-й армии перестали соответствовать действительному положению вещей. Сутки спустя немецкий фронт у Магнушева был прорван, и Жуков ввел в прорыв 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии; стоявший в немецком тылу 40-й танковый корпус не успел даже развернуться для отражения наступления русских танковых армий, попал под удар, разгромлен во встречном сражении.

Чтобы хоть как-то заткнуть фронт, сдержать русское наступление, ОКВ сняло с Западного фронта, из Арденн, 6-ю танковую армию СС в составе двух танковых корпусов и четырех танковых дивизий; сюда же, к Висле, было переброшено несколько пехотных дивизий. Однако удержать разваливающийся фронт немцам теперь было не под силу...

Огневое наступление с Казимежского плацдарма началось в 8 часов 30 минут 14 января. Всего 25 минут длился минометный удар пяти полков Ушакова, и после него передовой батальон бросился вперед. Сопротивления он практически не встретил: в первой линии немецких траншей все было вздыблено, искорежено, исковеркано.

Немцы, обычно упорные в обороне, из второй линии траншей поспешно оттянулись в третью, за ней была еще промежуточная линия обороны, но если где и обозначалась малейшая попытка немцев закрепиться, удержаться, Ушаков немедленно обрушивал сюда сосредоточенный огонь минометных полков, всех пяти, и немцы снова откатывались, отходили...

Теперь от бывшего упорства немцев ровно ничего не осталось, Ушаков только удивлялся: неужели это они, те самые немцы, которые так яростно штурмовали плацдарм в августе—сентябре прошлого года?

Быстрая сдача обойденной с севера и юга Варшавы и противоречивые, путанные доклады генштаба ОКХ о положении в Польше вызвали ярость Гитлера. Он приказал арестовать трех офицеров генштаба, по чьей вине допущена была путаница. Затем Гитлер устроил экзекуцию всему высшему командному составу немецких войск в Польше: снял командующего группой армий «А» ге-

нерал-полковника Гарпе — на его место прибыл генерал-полковник Фердинанд Шернер. Фон Лютцов сдал командование во второй раз разгромленной 9-й армией — вместо него Гитлер поставил генерала пехоты Теодора Буссе.

Но эти перестановки не могли восстановить рухнувший фронт: от 9-й и 4-й танковой армий остались лишь осколки. Разбитые немецкие дивизии откатывались на запад, лишь кое-где пытаясь оказывать сопротивление.

19 января советские войска взяли Краков.

20 января передовые советские части вышли к Познани.

Германское Верховное командование полностью утратило представление о реальном положении вещей на фронте группы армией «А». «Панические донесения еще более запутывают положение» — записано в дневнике военных действий ОКВ за 25 января 1945 г.

К 19 января части 49-й и 362-й дивизий, преследуя немцев по пятам, взяли города Скарышев, Томашув, Побынице и вышли к городу Пионтковице. Командующий 62-м корпусом генерал Цветаев теперь, после пяти дней непрерывного наступления, вывел в первый эшелон свою 222-ю дивизию, до того находившуюся во втором эшелоне, а 49-ю и 362-ю отвел в тыл. Теперь бригада Ушакова поддерживала огнем 222-ю дивизию. Чтобы не дать немцам оторваться, генерал Цветаев приказал выделить передовой отряд — стрелковый батальон, дивизион самоходок, батарею 666-го арtpолка и дивизион 115-го минометного полка: эта группа пошла вперед стремительно, ни на свой тыл, ни на фланги не обращая внимания, ибо у немцев теперь не было сил для организации сопротивления, тем более для нанесения фланговых контрударов. Управление войсками было у них полностью утеряно, разрозненные группы солдат человек по 100—150 частью уходили в леса, частью двигались на запад в стороне от дорог, не в силах догнать собственные отступающие войска.

К 20 часам 23 января передовая группа 62-го корпуса вышла к западной окраине старинного польского города Калиш.

Город этот на тихой, неширокой Просне — самый древний в Польше, ибо упомянут еще в труде римского ученого Птолемея в 142 году христианской веры как лежащий на «Янтарном пути» от Балтики до Римских

пределов, назывался тогда Калисия. В средние века был Калиш с крепостной башней «Доротка» мощным «городом» — под защитой «города» воздвигли монастырь, костелы... Во времена столетней «Конгрессовой Польши», с 1815 по 1914 год Калиш был пограничным городом Российской Империи, и немцы в первую мировую войну через Калиш наносили удар на Варшаву — город они расстреляли и сожгли... Четыре с половиной года гитлеровской оккупации умертвили Калиш, часть жителей немцы истребили (поляков и евреев), часть — немцев — вывезли в свой рейх.

Ушакову из дивизиона 115-го полка, приданного передовому отряду, который вышел к Калишу, по радиации доложили: немцы встретили пулеметным и минометным огнем...

Николай Григорьевич приказал гвардии подполковнику Поваляеву: с полком — вперед! Уточнишь на месте обстановку, дальше действуешь по обстоятельствам!

131-й полк Поваляева к Калишу вышел через час, на развертывание минометов на ОП потратил считанные минуты; командир дивизиона 115-го полка Поваляева ждал, цели указал сразу. Поваляев определился по карте — мощные залпы последовали тут же, это были навесные удары, от которых не было укрытия ни за домом, ни в траншеях, мины падали почти отвесно, и жгли, и рвали, и кромсали... Немецкий огонь, стихший сразу после нашего огневого налета, так больше и не возобновился. Повеселевшая пехота поднялась в атаку...

Отсюда, от рубежа Калиша, до Одера было совсем недалеко. Польская земля вся была пройдена за две недели. И в эти дни конца января Ушаков ясно видел, что даже при стремительном темпе продвижения нашей пехоты — до 30 километров в сутки — поспеть за уходящими за Одер немцами она не может. И Николай Григорьевич придумал: передовую группу 222-й дивизии, которая после Калиша устремилась к городу Костен, надо поддержать другой группой, которая страховала бы действия передовой.

Ушаков все решил с командующим артиллерией корпуса, который теперь видел в Ушакове офицера, каких бог одного на тысячу создает: смел, удал, умен! Ушаков с его ведома и согласия взял 114-й полк гвардии майора Сенина, взял батарею управления и штаб

бригады, кроме них посадил на свои «студебеккеры» стрелковую роту для прикрытия и 26 января двинулся по шоссе вслед за передовой группой. Остальные три полка бригады двигались в боевых порядках пехоты.

К 20 часам Ушаков и его группа, оторвавшись от пехотных колонн километров на 50, вышли к селу Язин, и Ушаков расположил здесь штаб бригады. 114-й полк, прикрытый пехотной ротой, занял круговую оборону, готовый отразить атаку хоть с фронта, хоть с тыла. Передовой отряд между тем подошел к городу Костен и встречен был огнем. Командир отряда, теперь вполне уверенный, что минометчики явятся по первому зову и проложат ему дорогу, связался с Ушаковым: встретил сопротивление, нужна поддержка! Николай Григорьевич спросил — до утра продержитесь?

Командир группы уверенно заверил — да, до утра продержусь, пока немцы не расчухали, что у меня всего-то батальон. У них против меня — пехотный полк с самоходками!

— Не бойся! Мой полк будет у тебя еще до света, а там немцам будет не до того, чтобы тебя окружать!

Ушаков бросил к Костену 131-й полк Повалева и один дивизион из 114-го полка, второй оставил при себе, ибо пехота 222-й дивизии могла до него дошагать лишь на другой день.

Повалев со своими минометами был у Костена задолго до рассвета. Командир группы по карте показал — вот тут у них минометные батареи, вот здесь мои наблюдатели засекли самоходные установки, пехота вот здесь и здесь, по-за домами...

Утром 27 января Повалев начал бой за город и к обеду выиграл его — массированного огня четырех дивизионов немцы не выдержали. Они и не думали контратаковать, стали поспешно отходить на запад, к Одеру, как делали это вот уже третью неделю...

Генерал Цветаев, командующий 62-м Неманским корпусом, в тот же день сказал Ушакову: Николай Григорьевич, с такой твоей тактикой согласен: сажай на свои «студебеккеры» по одному батальону на каждый свой полк. Пехоту тебе даст 222-я дивизия. С каждым твоим полком пойдет по батарее самоходок, тебе быть в группе старшим. С этого дня твоя группа будет двигаться впереди главных сил корпуса, задание на сутки бу-

дешь получать лично от меня. Отрыв от корпуса — не более чем на два перехода. Сядь немцам на пятки и не дай им оторваться! И помни: чем больше их уйдет за Одер, тем труднее нам будет форсировать реку!

НА БЕРЛИН!

«Для высших командных инстанций начинается последний акт драматической гибели германских вооруженных сил.»

Из дневника ОКВ, запись от 20 апреля 1945 г.

I

Германское командование после боев в междуречье Вислы и Одера не могло не сознавать, какая грозная сила надвигается на Берлин с востока, и все же надеялось эту силу сдержать, обескровить, даже отбросить от Берлина, от имперских земель.

33-я армия генерал-полковника В. Д. Цветаева получила от командования 1-го Белорусского фронта задачу выйти к Одера южнее Франкфурта, частью сил обложить Франкфурт с юга, часть сил переправить через Одер и создать там, на западном берегу, собственный плацдарм для последующего наступления.

Одер здесь, в среднем течении, достаточно широк, до четверти километра, глубина его до двух метров. В те дни начала февраля лед еще стоял, только местами по нему шла прибывшая с верховьев вода, однако же ясно было, что лед вот-вот тронется, и тогда через Одер не перебраться. И хотя продвижение войск 33-й армии было весьма стремительным, Цветаев решил выбросить вперед подвижную ударную группу — достаточно мобильную, чтобы выйти к Одера через сутки, достаточно сильную, чтобы, захватив плацдарм на левом берегу Одера, удержать его сутки-двое, даже трое — до подхода главных сил армии.

После тех боев, что армия провела на Вислинском плацдарме, у Казимежа—Пулавы; после того, как полковник Ушаков и его гвардейская минометная бригада блестяще себя проявила; после того, как сам Ушаков показал себя великим мастером по управлению масси-

рованным огнем — после всего этого генерал Цветаев без колебаний и сомнений решил, что основу подвижной группы должна составить именно 35-я гвардейская минометная бригада, тем более, что передвигалась она на могучих «студебеккерах». На эти машины посадили два батальона 222-й и 362-й стрелковых дивизий, группе придали бронетранспортеры и самоходные орудия. Цветаев, лично напутствуя Ушакова, сказал: «Николай Григорьевич, на тебя надеюсь, как на Господа Бога! Ты и есть бог войны: артиллерия! В бои с отходящими немцами не ввязывайся, гарнизоны обходи. Вот, смотри по карте: отсюда, от города Варты, до Одера полторы сотни километров — проскочи их, проскочи как только можешь быстро. Выйдешь южнее Франкфурта, перебирайся на западный берег Одера, вцепись в него и держись. Мы к тебе придем, но ты продержись!»

Цветаев не добавил: «Только ты уцелей, пока мы дойдем!», знал, что пустыми словами на войне не балуются, и еще знал, что однорукий полковник пустых слов не примет и пустых обещаний не даст.

...Группа Ушакова вышла к Одера, как и назначено было, южнее Франкфурта, у крохотной деревушки Кунитц, к утру 3 февраля.

Фронт остался далеко позади.

Ушаков поставил свои полки на огневые позиции по восточному берегу Одера от деревни Кунитц до деревни Аурит, танками и самоходками прикрыл себя с тыла.

В течение дня разведчики под редким немецким огнем поползли по льду, проверили прочность, и в ночь на 4-е реку перешла пехота, прикрытая массированным огнем минометных полков.

За день 4 февраля солдаты Ушакова разметали в Аурите все, что было из дерева — ограды, сараи, сеновалы; бревна и снятые с петель ворота и двери стащили к Одера и в ночь на 5 февраля настилом поверх льда уложили до того берега. Первыми — за разведчиками — пошли Ушаков и Повалев, радисты. За ними минометчики тащили на руках минометы: Ушаков переправил дивизион, 18 минометов 114-го полка, дивизион 131-го полка, 4 батареи 115-го и одну батарею 210-го полка. Остальные дивизионы прикрывали переправу огнем с восточного берега. Мины несли в ящиках, Уша-

ков понимал: река вскрыется, без мин пропадешь, приказал взять два боекомплекта.

На том берегу настил уперся в дамбу — не то на беду, не то на счастье. В дамбе Ушаков приказал вырыть КП бригады, щели для минометов; за дамбой, в низинке, оказалось несколько каменных домиков — при появлении первых наших солдат жители в ужасе разбежались, как вспоминал много позже Н. Г. Ушаков, «оставив на плитках горячие ужины, которые нам очень пригодились».

В этих домиках, на чердаках, в полуподвалах, вокруг домиков рассыпалась, закрепилась пехота, засели наблюдатели со своими рациями.

До утра Ушаков так и не заснул: ничего, ни одной мелочи упустить было нельзя. Он знал, что с утра немцы навалятся, навалятся свирепо и не успокоятся — либо пока их тут всех не истребят, либо пока не подоспеют наши, и тогда мы ударим по немцам и погоним их до Берлина...

С утра 16 февраля стоявший в Лоссове, километрах в десяти от Кунитца, штаб 286-й пехотной дивизии немцев доложил в штаб 5-го Горного корпуса СС: «Русские перебрались на западный берег Одера напротив деревни Кунитц.»

Однако командование эсэсовского корпуса просто недооценило «этих русских»: считая, видимо, что перебрался у Кунитца какой-то небольшой отряд и что справиться с ним будет не сложно, с утра группу Ушакова вообще не беспокоили, а ближе к вечеру подвезли из Берлина на грузовиках батальон полиции, человек 600, поскольку полагали, что большего горстка русских не заслуживает.

Николай Григорьевич с дамбы, со своего КП отлично видел в бинокль, как стала на шоссе, километрах в полутора, колонна огромных немецких грузовиков, как спешно высаживались немцы в странного цвета голубоватых долгополых шинелях, отчего-то не в касках, а в красивых высоких шапках. Он было подумал — не иначе из личной гвардии самого фюрера, красиво больно одеты, не по-фронтовому... Но если эти немцы и были чему обучены, то только не тому, как воевать, и Ушаков это сразу увидел: тактики боя они не знали, бежали в рост, от самого шоссе через вязкое поле, в цепь не рассыпались, держались кучками, сбивались в беспоря-

дочные толпы... Ушаков приказал пока не стрелять, подпустить этих вояк поближе, на расстояние автоматного огня. Потом, после команды «огонь!», их в упор расстреляли из пулеметов и автоматов, забросали гранатами, а тратить на них мины Ушаков просто пожалел — он яснее ясного видел: это не то, атака не настоящая, сейчас немцы поймут, что на плацдарме засел сильный противник, и двинут армейские части. Вот тогда без мин не отобьешься, так что лучше их приберечь...

В тот вечер на Одере началась подвижка льда, ночью по черной стилой воде пошла шуга. Ушаков вызвал Поваляева, еще раз уточнил, сколько боекомплектов здесь, а то до того берега теперь не доберешься, мин пока никто не добавит.

Поваляев весело ответил — на тех немцев, что перед нами, хватит вполне, еще и останется!

Однако же теперь немцы, видимо, решили заняться группой Ушакова всерьез. За ночь они придвинули к плацдарму целый полк СС из дивизии имени «30 января»* и с утра открыли по дамбе, по низинке перед ней ураганный огонь из орудий и минометов, потом налетели «юнкерсы» — начался тот самый ад, который с самого начала предвидел Николай Григорьевич, заставляя рыть щели для бойцов и укрытия для минометов.

Ушаков сидел на КП, вырытом в дамбе, и думал об одном: как бы не пропустить тот миг, когда обстрел кончится и эсэсовская пехота поднимется в атаку. Он знал, что четыре его полка с замиранием сердца ждут его команды, это сердечное замирание за минуту до огня все артиллеристы на 1-м Белорусском фронте называли «натянуть шнуры!» — два последних слова перед командой «огонь!». И Николай Григорьевич не разумом, а интуицией уловил тот миг, когда грохнул последний немецкий снаряд и когда поднялась эсэсовская пехота, и скомандовал — «огонь!» В немецких цепях сразу же началось непрерывное кипение огня... Минометные полки били, чередуясь, залпами, с интервалами в несколько секунд, этот поток огня Ушаков остановил лишь тогда, когда остатки эсэсовского полка откатились обратно к шоссе.

Второй день был тяжек для группы Ушакова.

* 30 января 1933 г. президент Веймарской республики Гинденбург назначил канцлером Германии А. Гитлера.

Немцы атаковали непрерывно. Теперь в батальонах и на минометных батареях было много раненых, они так и оставались в боевых порядках, уходить с линии огня было попросту некуда, и все, кто был в состоянии держать оружие в руках, стреляли. В этот день кое-где дело дошло до рукопашных схваток, но столкнуть наших в Одер немцам так и не удалось.

Разъяренные немцы орали через громкоговорители: «Мы утопим вас всех в Одере вместе с вашим одноруким бандитом!»

«Утопим»...

Та широкая низинка, что тянулась между занятой нашими дамбой и шоссе, была южной оконечностью так называемого «Одербруха», «Одерского провала», который простирается вдоль западного берега Одера далеко на север, глубина его метр-полтора, кое-где и два, дамба ограждала провал от весенних разливов Одера. Но сюда, почти к самому плацдарму, с запада выходил канал Одер-Шпрее, до которого было километра полтора. И на третий день боев немцы наконец этим воспользовались: они открыли шлюз канала, и в низинку хлынула волна; остатки разбитых немецкой артиллерией домиков перед дамбой очутились в воде — наших прижали к дамбе вплотную, а за ней стылый Одер нес к морю крупную шугу, и отходить было некуда.

С левого фланга плацдарма, от кирпичного завода в деревушке Цильтендорф, где закрепился 131-й полк Поваляева, немцы к вечеру открыли огонь из реактивных минометов, затем бросились в атаку. Ушаков снова накрыл их своим огнем, но часть эсэсовцев все же прорвалась к дамбе, и дело опять дошло до рукопашной схватки.

В этот день особо круто пришлось минометчикам Поваляева: хлынувшей из шлюза водой полк и прикрывавшая минометы пехота оказались отрезаны от дамбы, помочь им Ушаков не мог, держаться надо было самим. От нападавших немцев отбивались гранатами, после боя многих не досчитались. Погиб и сам Поваляев...

От двух пехотных батальонов осталось к вечеру в живых едва ли больше двухсот человек. Но в этот самый день к восточному берегу Одера наконец вышли полки 62-го Неманского корпуса — берег огласился ревом орудий, перед немцами стала плотная завеса огня,

она надежно укрыла плацдарм, за который заплачено было столькими жизнями...

В ту же ночь началась переправа — нашлись отчаянные смельчаки, наплевав на шугу и студеную воду, пробивались на лодках, на снятых с домов дверях, на связанных по двое, по трое бревнах к высвеченной ракетами дамбе, прыгали в узкие, вырытые в дамбе щели... К утру шуга с Одера сошла, скатилась в Балтийское море. На ту сторону ринулись через Одер сотни, тысячи наших солдат, большими и малыми группами, кто на чем... К вечеру немцев дружной атакой отбросили от кирпичного завода в Цильтендорфе, на правом фланге потеснили в сторону Брискова. Вода в низинке оказалась где по грудь, а где и по колено — солдаты, разведав броды, бросились вперед, к недалекому шоссе...

С того дня и до конца марта плацдарм неуклонно ширился вверх и вниз по течению, немцев все оттесняли и оттесняли от реки. Немцы бросали в бесконечные отчаянные атаки все, что прибывало к ним из Берлина: роты полицейских, охранный батальон, юнцов из «Гитлерюгенда» — однако Николай Григорьевич теперь думал не о том, как устоять, удержаться, потому что ясно видел: нет у противника сил, чтобы сбросить нас с плацдарма. Теперь Николай Григорьевич намерен был стянуть к себе всю бригаду.

131-й полк — его после гибели Повалеева принял гвардии майор Приходченко — перетянуть через затопленный участок оказалось невозможно, пришлось вернуть его на восточный берег, а затем снова переправлять на плацдарм по наведенной понтонной переправе.

Оказалось, что Ушаков еще в феврале, когда вышел к Одери, весьма удачно определил место будущего плацдарма: река здесь изогнулась плавной дугой от Фогельзанга на юге до Брискова на севере, теперь фланги расширившегося плацдарма прочно уперлись в берега; у Фогельзанга в конце марта шли ожесточенные бои, немцы едва не прорвались в только что захваченную нами деревню, но находившиеся вместе с пехотой командир 4-й батареи 131-го полка гвардии старший лейтенант Пермяков и начальник разведки дивизиона гвардии старший лейтенант Запорожец вызвали по рации огонь минометов — наседавших немцев отброси-

ли, тех, кто успел ворваться в деревню, истребили, и больше эсэсовцы здесь наступать не пытались.

Потом у немцев отбили деревню Визенау, в самом центре немецких позиций по периметру плацдарма. Визенау была узлом немецких позиций, здесь сходились железная дорога и автострада.

Ушаков уже знал, что прорыв немецких позиций намечен именно здесь, у Визенау, и перебросил сюда все четыре полка бригады. Тактику применил прежнюю, проверенную: чтобы немцы не обнаружили сосредоточение бригады, приказал минометы разобрать, упрятать в щели и подвалы, на огневые позиции выставил по одному пристрелочному миномету от каждой батареи. Бригада стала на огневые позиции в полном составе только в ночь на 15 апреля, но об этой дате чуть позже.

10 апреля Ушаков собрал в Кунитце (там оставался штаб бригады) офицерский состав: люди должны были знать задачу предстоящего через неделю наступления. Объявил приказ: артподготовка рассчитана на 30 минут, чередование огневых налетов с методическим обстрелом; пристрелка 11, 12 и 13 апреля, дал по 8 мин на один пристрелочный миномет. Поздравил с наступлением, сказал — как пехота поднимется и пойдет вперед, всем полкам идти за ней!

II

Первое сообщение о начале общего наступления русских на Одере поступило в ОКХ в утренней сводке группы армий «Висла» за 16 апреля: «С трех часов 50 минут линия обороны 5-го Горного корпуса СС вплоть до южного обвода Франкфурта, как и вся линия обороны 11-го танкового корпуса СС... находится под сильным огнем артиллерии.»

В могучем реве орудий и минометов всех армий фронта никто бы и не расслышал, не различил разрывов тех тысяч фугасных и осколочных мин, которые обрушила на левый фланг 5-го Горного корпуса СС минометная бригада Н. Г. Ушакова. Те, кто пережил этот день, говорили, что грохот выстрелов перекрывался еще более тяжким грохотом сплошных разрывов на линиях немецкой обороны.

18 апреля корпуса 69-й и 33-й армий, наступавшие

севернее и южнее Франкфурта, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление немцев, продвигались крайне медленно, ибо командование 9-й немецкой армии бросало в бой на критических направлениях все новые и новые резервы — их брали из Берлинского двухсоттысячного гарнизона: охранный полк, крепостной пулеметный батальон, снова полицейские батальоны, первая бригада фольксштурма, части ПВО — все бросалось в бой, чтобы задержать русских на третьей линии обороны.

19 апреля силы немцев иссякли, затыкать дыры больше было нечем. В этот день Н. Г. Ушаков сосредоточенным многослойным огнем своих тяжелых минометов просто взломал, разметал то, что еще оставалось от немецкой обороны южнее Франкфурта. Штаб 5-го Горного корпуса СС еще в первый день наступления русских доложил, что у деревни Брисков развернулись тяжелые бои, три дня спустя Брисков был взят, и Н. Г. Ушаков переместил туда штаб бригады, а линия боев теперь передвинулась далеко на северо-запад.

К 24 апреля остатки южного крыла 9-й армии генерала Буссе (около двухсот тысяч человек, 2 тысячи орудий и 300 танков и самоходных установок) были отброшены за Шпрее и очутились в огромном котле в районе Хальбе. С севера котел обложили 3-я и 69-я армии, с востока на окруженных наступала 33-я армия, с юга и запада двигались 3-я гвардейская и 28-я армии 1-го Украинского фронта.

Что до минометной бригады Н. Г. Ушакова, то, хотя в приказе Верховного Главнокомандующего № 357 от 2 мая 1945 г. в связи с ликвидацией немецкого котла юго-восточнее Берлина она и упомянута, и благодарность бригаде и Н. Г. Ушакову вынесена, и в 21 час 2 мая салют в ее честь отгремел, но все же бригада в заключительных боях по разгрому группы Буссе не участвовала: по решению штаба 1-го Белорусского фронта ее вывели из подчинения 33-й армии: бригаде предстояло принять участие в разгроме немцев в самом Берлине, где бои были в самом разгаре.

Все утро 24 апреля минометные полки готовились к маршу. До Берлина было всего ничего, если по прямой, то не более 60 километров, а по предписанному маршруту куда больше, чуть не вдвое. Но по отлично устроенным немецким автобанам и 150 километров —

не расстояние, часа два езды, от силы два с половиной.

Немцы, правда, отходя под ударами наших армий, взрывали — если успевали — мосты, но на шоссе № 87 от Мюльрозы до Франкфурта взорванных мостов не оказалось. До Франкфурта колонна «студебеккеров» шла, могуче ревя многосильными моторами. Безотказный, выдавший виды труда «виллис» командира бригады шел за головной колонной, за ним следовал штаб бригады.

Еще год назад немцы бы нашим такой наглости не позволили: открыто, по шоссе, четыремя полками, при ясном солнышке... Конечно не позволили бы! Николай Григорьевич помнил, как совсем недавно свирепствовали немецкие пикировщики. Он все же предусмотрел вариант: вдруг да налетят? Потому в подписанном им боевом распоряжении № 0020 сказано: «Колонны вести на уставных дистанциях. При налете авиации противника расчленивать глубину, не прекращая движения.»

«Расчленивать глубину» значило увеличить на ходу расстояние между машинами и полками, а большей предосторожности, считал Николай Григорьевич, не требуется: теперь на редкие немецкие самолеты шла настоящая охота: стоит им появиться, наши летчики сразу набросятся, бомбить не дадут...

Час спустя бригадная колонна вышла к Франкфурту. От него имперская автострада № 1 летела прямоком на запад. Николаю Григорьевичу знающие люди объяснили, что она и за Берлином пойдет дальше, но у него была карта только Берлина — хорошая, подробная штабная карта. Правда, Николай Григорьевич пока не знал, какому корпусу в 5-й ударной армии будет придан со своей бригадой, в каком районе Берлина придется воевать, и он за час пути, от Зеелова до Нойенхагена, все смотрел и смотрел на эту имперскую Германию, до которой идти так трудно ему досталось.

Война только вчера прокатилась здесь чудовищным, жестоким своим катком, еще не были убраны с полей и холмов ни наши сожженные фаустпатронами «традцатьчетверки», ни разбитые немецкие «тигры» и «пантеры»; еще дымились справа и слева от автострады в супесчаной почве, пахли остро и привычно сгоревшим пироксилином воронки, и стояли пустые, мертвые, брошенные деревни, и буйно цвели вокруг, куда ни глянь,

яблони и вишни, и было все необыкновенно бело и празднично...

А впереди лежал Берлин, и война еще не кончилась.

III

5-я ударная армия генерал-полковника Н. Э. Берзарина рвалась к центру Берлина через сектора «А» и «В», и ее 32-й стрелковый корпус к 24 апреля вышел к самой Шпрее, и взял штурмом Силезский вокзал. Отсюда, что называется, рукой было подать и до «Алекса», как ласково и чуть насмешливо называли берлинцы Александерплац, эту круглую, шумную, с трамвайным лязгом и перезвоном площадь, и до сложенной из красного кирпича ратуши с ее ажурной, 97-метровой башней, и до прославленного Острова музеев, до этих Берлинских Афин в междуречье раздвоившейся Шпрее, и до Бранденбургских ворот. И хотя брать их предстояло, преодолевая сплошное море эсэсовского огня, платя за каждый метр отбитой мостовой, за каждый этаж отвоеванного дома жизнями наших солдат, все же к тому дню стало очевидно, что именно 5-я ударная армия будет громить врага в историческом центре Берлина. Она уже вышла сюда, в этот центр, и потому маршал Жуков именно в этот день, 24 апреля, назначил генерал-полковника Берзарина советским комендантом Берлина.

Бригада Н. Г. Ушакова вошла в горящий, громыхающий, засыпанный бомбами, снарядами, минами Берлин в этот же нескончаемо долгий весенний день, 24 апреля, и ее придали 416-й стрелковой дивизии 32-го корпуса. К вечеру Николай Григорьевич подписал боевое распоряжение № 0021 — указал задачу на следующие сутки и закончил документ фразой вроде бы обыденной: «Мой командный пункт — Силезский вокзал».

В тот же вечер он испытал потрясение. Казалось бы, после жестокой, столь кровопролитной и беспощадной войны должен был ко всему привыкнуть, а вот поди же ты...

Кто-то из офицеров крикнул — товарищ гвардии полковник! Смотрите, что же это делается!

Николай Григорьевич много лет спустя вспоминал, что увидел: в доме перед вокзалом, на той стороне неширокой площади, в одном из распахнутых окон седь-

мого этажа шла отчаянная схватка: какой-то немец пытался выбросить женщину, она сопротивлялась, что-то кричала, голос был высокий, яростный... Николай Григорьевич скомандовал замершим рядом офицерам — а ну, бегом! Те кинулись, но тут немец одолел — женщина, нелепо раскинув руки, понеслась на мостовую, и немец оттуда, с седьмого этажа, прыгнул за ней...

Николай Григорьевич содрогнулся — удара двух тел о мостовую он не услышал, но черно-белое от головы немца ударило в стену.

IV

25 апреля 416-я дивизия пробивалась к центру Берлина вдоль восточного берега Шпрее — левофланговый полк выходил к вокзалу Янновицбрюкке, правый фланг штурмовал дома по правой стороне Хольцмарктштрассе. Отсюда Шпрее раздваивалась, расходилась на два рукава, обтекая Остров музеев.

Развернуть минометные полки по фронту дивизии Ушаков просто не мог, да и где их развернешь по мрачным, глубоким дворам-колодцам, по-за домами? Он свел все полки в одно место, на перекрестке Хольцмарктштрассе и Лихтенбергерштрассе, выстроил один за другим. Эти полторы сотни тяжелых 120-миллиметровых минометов изрыгали непрерывный огонь, прикрывая наши танки и пехоту, накрывая немецкие огневые точки.

Немецкие штабы теперь укрывались — если было возможно — на станциях метро; сюда же, в этот ад крошечный, набивались тысячи и тысячи людей: женщины с детьми, старики искали под землей убежище от сокрушительного русского огня.

В эти грозные дни страх берлинцев перед «восточными варварами», перед «ордами большевиков-азиатов» иссяк. Разговоры среди горожан крутились вокруг лозунга доктора Геббельса «Берлин остается немецким!» Берлинцы говорили — жить хотим независимо от того, останется Берлин немецким или станет русским. Полетели, понеслись слухи, что русские обращаются с населением по-человечески; что жители Вайсензее и Фридрихсхагена встречали русских с восторгом; 24—25 апреля были отмечены случаи, когда люди, в одиночку и группами, в том числе и женщины с детьми перебежали

через линию фронта в кварталы, уже занятые Красной Армией, при этом эсэсовцы открывали по таким группам огонь. Появились случаи вовсе неожиданные: немецкие женщины стали уговаривать молодых солдат дезертировать, обещали помочь, укрывали, одевали в штатское. Эсэсовские заградительные отряды развешивали на балконах и фонарях целыми гроздьями солдат и офицеров, бросивших оружие, на грудь мертвецам прикрепляли таблички, написанные четким готическим шрифтом: «Так умрут все изменники родины», «Я сговаривался с большевиками», «Я вишу потому, что был трусом».

26 апреля бои придвинулись к Александерплац — тут четыре наших полка, поддержанные танками и артиллерией, штурмовали огромное железобетонное здание Полицейпрезидиума; полки 266-й дивизии ведут бои за Красную ратушу; дивизии 32-го корпуса, оставив справа Александерплац и Красную ратушу, прорвались наконец на Остров музеев — в этих боях солдаты 416-й дивизии отличились особо, а там, где отличилась пехота 416-й дивизии — там показала себя героически минометная бригада Н. Г. Ушакова.

Бои шли за огромное четырехэтажное здание дворца императора Вильгельма I, за Берлинский собор, за музеи — их на Острове много: Старый, за ним Новый, дальше Пергамский, правее его, у берега восточного рукава Шпрее, Национальная галерея, а там, где оба рукава вновь сливаются, огромный Боден-музей с высооченным куполом...

Но после двух первых дней боев в Берлине бригаду Ушакова у 416-й дивизии отобрали: командующий 32-м стрелковым корпусом генерал-лейтенант Жеребин и командующий артиллерией корпуса полковник Куницкий, увидев, с каким мастером массированного огня они имеют дело, решили, что Ушаков со своими минометчиками вполне может заменить артиллерийское прикрытие пехоты, поскольку пушки в условиях города, его узких улиц и высоких каменных домов не каждую цель в состоянии достать.

Ушаков показал себя наилучшим образом: он мог придвинуть полки к передовым позициям пехоты на самую близкую дистанцию минометного огня, на 500 метров, для стрельбы прямой наводкой; мог накрыть многослойным массированным огнем любую цель в глу-

бине немецких позиций — батареи в садах, на перекрестках, на площадях; мог достать огневые точки немцев на чердаках, на крутых черепичных крышах. Ушаков, как обычно, высылал в штурмовые группы полковых и дивизионных наблюдателей с рациями, потому ясно видел, что происходит на немецкой стороне, и реагировал мгновенно: беспокоящий обстрел чередовал с прицельным огнем дивизионов и батарей по отдельным объектам, накрывал огнем подходящие резервы, мощным огнем налетом всех полков бригады прикрывал броски наших штурмовых групп...

При всем при том две вещи удивляли Ушакова: во-первых, перебежавшие к нам немцы с готовностью рассказывали, а иные и на карте указывали, где что у нацистов расположено, Николай Григорьевич очень быстро разобрал, что нацисты — немцы говорили «на́ци» — это и есть фашисты, те, с кем он воевал, а вот эти немцы — женщины, ребятишки, пожилые мужчины с желтыми инвалидными повязками на руках — это простые немцы, население, никакие они не «на́ци».

Три дня спустя, когда бои в Берлине придвинулись к Бранденбургским воротам, одна молодая немка спасла Ушакова и шофера: они на «виллисе» возвращались из штаба корпуса да по ошибке заскочили в квартал, где еще сидели немцы; их обстреляли сверху — шофер резко завернул в подъезд, переждать. Выскочила немка, молодая, пальтишко распахнуто, на голове чалма из махрового полотенца — руками замахала:

«Weg, weg, Herr Oberst, da oben sind Názi!»

А сверху, куда немка пальцем тычет, грохот солдатских сапог. Дали задний ход, развернулись — и назад. Выскочили на Вильгельмштрассе — тут уже свои...

Вот это отношение к нам немцев и было «во-первых». Во-вторых, по корпусу, как и по всей 5-й ударной, отдан был приказ: без особой, крайней нужды по музеям, храмам, театрам не стрелять, их не рушить...

28 апреля командование двух наших армий — 5-й ударной Н. Э. Берзарина и 3-й ударной В. И. Кузнецова — с двух сторон готовили наступление на рейхстаг.

35-я бригада Н. Г. Ушакова вошла в корпусную группу, и Ушаков в боевом распоряжении № 0023 указал, что группа должна «...перейти в решительное наступление..., к 20 часам 29.04.45 овладеть рейхстагом», и далее определил задачу бригады: «Подавить живую

силу и огневые точки на переднем крае противника, вести огонь 0,5 км от переднего края и в ближайшей глубине. Начало артподготовки 11.30 29.04.45. Атака 12.00.»

К рейхстагу немцы стянули отборные эсэсовские части, более того, в ночь на 28 апреля выбросили сюда же на парашютах батальон морской пехоты, так что легкой победы ждать не приходилось.

С утра 29 апреля к рейхстагу вырвались дивизии 3-й ударной армии. Минометные полки Ушакова накрыли огнем примкнувший к рейхстагу парк Тиргартен, где были сосредоточены крупные силы немецкой артиллерии и мотопехоты — налет длился всего 30 минут, затем наши штурмовые батальоны бросились вперед. Однако в само здание рейхстага удалось ворваться лишь в третьем часу дня, после повторного огневого удара. Дальнейший огонь по рейхстагу стал невозможен: внутри огромного здания кипели рукопашные бои, нельзя было определить, где в данный момент наши, где немцы...

Гитлер, как известно, в 15 часов 30 апреля покончил с собой. По приказанию нового рейхсканцлера, доктора Геббельса, боевые действия в Берлине были приостановлены. К русским для переговоров о перемирии направляется генерал Кребс, однако он вернулся ни с чем: дать согласие на капитуляцию, чего требовали русские, он полномочий не имел.

Потому от командования 1-м Белорусским фронтом последовало распоряжение по всем армиям, в свою очередь командующий 5-й ударной армией генерал Н. Э. Берзарин отдал приказ по своим корпусам, 9-му, 26-му и 32-му — «В ночь с 1 на 2 мая продолжать уничтожение противника. К 2 мая создать свежие штурмовые группы, 2 мая следует предпринять штурм центра Берлина. Артиллерийская подготовка с 10.00 до 10.15. Начало штурма в 10 час. 15 мин.»

Штаб 35-й минометной бригады, расположившийся той ночью в одном из домов на Нойе Якобштрассе, отдал боевое распоряжение:

«1. Противник в прежней группировке продолжает оказывать сильное огневое сопротивление.

2. Корпус с утра 2 мая 1945 г. выполняет задачу, поставленную прежде...»

Это — последнее боевое распоряжение по бригаде Н. Г. Ушакова.

В эти сутки агония сотрясала то, что еще оставалось в Берлине от «тысячелетней империи» Адольфа Гитлера. Защитники рейха, стиснутые к исходу 1 мая на крохотном пятачке от имперской канцелярии до рейхстага и от Бранденбургских ворот до Колонны Победы в Тиргартене уже не были организованным войском. Уже не оставалось от некогда грозного вермахта ни армейских корпусов, ни секторов обороны.

Утро 2 мая вставало в притихшем Берлине. Ни рева наших штурмовиков в дымном от многодневных пожаров небе, ни орудийного грохота... Над городом повисло ожидание...

В 15 часов по остаткам моста через Ландверканал к советским боевым линиям вышел генерал Гельмут Вейдлинг, комендант Берлина, и заявил, что сдается. Ему предложили отдать приказ об общей капитуляции Берлинского гарнизона. Вейдлинг тут же написал: «30 апреля фюрер покончил с собой и таким образом оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то, что иссякли боевые запасы и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление. Приказываю: немедленно прекратить сопротивление. Вейдлинг, генерал артиллерии, бывший комендант округа обороны Берлина.»

Это был конец.

С наших позиций было видно, как выходили из укрытий, из тоннелей и шахт метро немецкие солдаты; ненужные теперь автоматы, карабины, подсумки с патронами, каски летели в огромные кучи на углах улиц, у входа в станции метро; солдаты строились в огромные колонны — неся впереди белые флаги, медленно двигались к сборным пунктам; к Бранденбургским воротам в тот день сносили, вели под руки раненых, они лежали на носилках, сидели на развороченном асфальте, на поверженных, расщепленных липах — едва ли кто из них, ожидая хлеба и воды, вспоминал блестящие парады, которые так любил проводить здесь фюрер...

3 мая бригаде Н. Г. Ушакова приказано было сняться с боевых порядков и следовать в городок Нойенхаген.

В тот же день вездесущие разведчики бригады натолкнулись в Нойенхагене на целый Детский городок, он так и назывался: Детский городок: еще фашистские власти свезли сюда детишек от двух до пяти лет, оставшихся без родителей, их было до двухсот. Теперь старых властей не стало, у нового магистрата для содержания детей ничего нет, ни денег, ни еды, потому ребяташки попросту голодают.

С этим и пришел к Ушакову начальник политотдела бригады гвардии подполковник Жегалов. Вообще-то человек спокойный, уравновешенный, на этот раз Жегалов был явно взволнован:

— Детишки там совсем голодные, Николай Григорьевич! Что станем делать?

Ушаков еще в дни боев в Берлине видел не раз, не два, как немецкие женщины и подростки, не обращая внимания на артобстрелы, бесстрашно выстраивались в очередь к нашим полковым кухням, как наши кашевары сноровисто выплескивали в подставленные котелки и кастрюли наваристый горячий борщ; видел, как интенданты раздавали буханки хлеба в протянутые руки изголодавшихся, оглушенных многодневными боями людей... Спросил Жегалова — ты сам там был, в Детском городке?

— Был. Там с ними женщина, не то директор, не то надзиратель, не понял, только нас очень боится, и дети тоже... Запуганные, видно...

— Еще бы им нас не бояться! Не знаешь разве, как Геббельс немцев азиатской ордой стращал?

Словом, Николай Григорьевич рассудил, что дети есть дети, что вины на них, само собой, никакой нет, и потому гвардейская бригада должна и обязана взять городок на временное довольствие, и солдаты, отделив от себя хлеб, масло и сахар, кормили детей, пока оставались в Нойенхагене.

VI

Из Нойенхагена бригаду — она теперь называлась очень торжественно: 35-я отдельная гвардейская Речицко-Бранденбургская Краснознаменная ордена Богдана Хмельницкого II степени минометная бригада РКГ — вскоре перебросили в гористую, сплошь поросшую лесом Тюрингию, в городок Лангензальца.

Разумеется, Николай Григорьевич не знал — не мог знать! — что в эти первые послевоенные дни двигались своими путями два штабных документа, двигались независимо друг от друга, и имели они самое непосредственное отношение к только что минувшим боям и к тому, что совершила в этих боях бригада и Николай Григорьевич лично.

Вернусь немного назад.

Командующий 62-м стрелковым корпусом генерал-майор Воробьев, расставаясь с бригадой Н. Г. Ушакова, проявил и душевную признательность, и благодарность, реально оценив ту роль, которую сыграла бригада в боях, начиная с форсирования Вислы и кончая переправой через Одер.

Воробьев приказал подготовить наградной лист на гвардии полковника Н. Г. Ушакова, и этот лист подписал 27 апреля. Он достаточно большой, но я приведу его почти полностью: он того заслуживает:

«При прорыве противника на Казимежском плацдарме т. Ушаков руководил минометной группой в составе 5 минометных полков на главном направлении прорыва корпуса.

Благодаря четкому планированию огня и хорошей организации управления, минометная группа явилась основным огневым кулаком корпуса, подготовила и обеспечила прорыв обороны противника на всю тактическую глубину, нанесла колоссальнейшие потери в живой силе и технике противника. При бое в глубине и преследовании противника т. Ушаков, несмотря на свою инвалидность — отсутствие руки — все время находился на передовом наблюдательном пункте, четко управлял огнем бригады, подавлял отдельные узлы сопротивления и огневые точки, наносил противнику большие потери в живой силе и технике, чем обеспечил быстрое продвижение нашей пехоты от реки Висла до реки Одер, при малых потерях ее...»

Далее в реляции сухим и ясным языком военного документа указано все то, что свершил Николай Григорьевич и его бригада в феврале-марте: и что с пехотой 222-й дивизии и своей бригадой первым в корпусе вырвался к Одру, и что форсировал его сходу, и что во время месячных боев на плацдарме у Кунитца прикрыл свою пехоту, не дал сбросить ее обратно в Одер.

Командующий 62-м корпусом генерал Воробьев высоко оценил подвиг Н. Г. Ушакова, так высоко, как мог: посчитал, что Николай Григорьевич «за проявленное мужество и отвагу достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Одновременно и командование 5-й ударной армии нашло, что бригада Н. Г. Ушакова и сам он весьма отличились: в представленном ими наградном листе указано, что Н. Г. Ушаков «массированным огнем бригады, отражая яростные контратаки противника, прикрыл левый фланг Центральной группы войск, чем способствовал взятию города Франкфурт и выходу к Берлину».

Что до боев в самом Берлине, то составлявший эту реляцию командующий артиллерией 32-го корпуса полковник Куницкий подметил именно то, что давно стало свойством Николая Григорьевича, его видением своей роли на этой небывало тяжелой войне: руководство огнем всех четырех полков он держал в своих руках: «Тов. Ушаков, управляя частями бригады, массированным огнем минометов нанес большие потери противнику, чем обеспечил выполнение поставленных корпусу задач с малыми потерями.» Полковник Куницкий посчитал, что Н. Г. Ушаков за берлинские бои достоин правительственной награды — ордена Ленина.

Начальнику артиллерии фронта В. И. Казакову оставалось только развести руками: сразу две армии, 33-я и 5-я ударная, независимо друг от друга представили к награде одного и того же офицера! И неизбежно вспомнился далекий декабрь 1943 года, когда он, Казаков, командовал артиллерией только что созданного Белорусского фронта, и начальник отдела кадров полковник Миляховский пришел к нему советоваться: прибыл из Москвы с предписанием от командующего артиллерией РККА полковник, а в предписании так записано, что Миляховский сразу не разобрал, какая тут заковыка: требовалось доложить в Москву, на какую должность будет допущен присланный полковник. Допущен... Почему именно «допущен»? Словно бы не везде мог служить, требовалось еще какое-то «допущение»... Когда же явился пред очи Казакова вызванный к нему полковник, стал, как положено, и доложил твердо, и в волевом, значительном лице не было ни просительности, ни сомнения, а пустой рукав кителя весь, от плеча, лежал ровно, при повороте полковника чуть отлетел от

полы кителя — Казаков узнал! Этого полковника Казаков знал по боям на Курской дуге, и потому из штаба артиллерии фронта Ушаков уехал с предписанием — «Убыть на должность командира 35-й гвардейской Речицкой минометной бригады РГК», время прибытия к месту службы Казаков собственноручно проставил 19 декабря 1943 года, и подпись поставил, совершенно уверенный, что этот человек не подведет, воевать будет храбро и бригадой командовать грамотно и честно.

Усомнившемуся было Миляховскому — когда Ушаков вышел — сказал: «Все бы так знали свое дело, как этот безрукий, и все бы так свое дело исполняли!»

Теперь, когда все бои остались позади, когда надо было решать, какой наградой увенчать все то, что свершил Николай Григорьевич, Казаков — при всем его уважении к мнению Н. Э. Берзарина! — все же отложил реляцию 5-й ударной армии и не колеблясь подписал представление на звание Героя Советского Союза.

Указ Президиума Верховного Совета последовал необычайно быстро — 31 мая 1945 года. Две недели спустя Николай Григорьевич Ушаков принял левой своей рукой Золотую Звезду Героя, а чествование прошло по всем четырем полкам поочередно, чтобы никого не обидеть...

**Подольск—Москва—Кемерово.
1986—1990 гг.**

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

В феврале 1958 г. Н. Г. Ушаков был произведен в звание генерал-майора артиллерии, и его поздравил В. И. Казаков, ставший к тому году маршалом артиллерии. Ушаков и после войны оставался в строю, он ушел в отставку лишь в начале 1962 г., когда серьезно пошатнулось здоровье.

Сердце его перестало биться 9 августа 1968 года.

Нынче, когда мы стремимся переосмыслить собственную историю, давнюю и недавнюю, когда отказываемся от многого из того, что прежде почитали, я снова вернулся к давней книге о нашем земляке-кузнечанине, генерале Н. Г. Ушакове, и вижу, что в ней мне отказываться не от чего.

Выросшие в мужицкой среде на Кузнецком Форштадте братья Ушаковы, что Николай, что старший в семье сын Евгений, миллионы похожих на них людей и были тем стеновым хребтом, на который смогла опереться российская земля в годы фашистского нашествия.

Иные нынче говорят, будто народам России пора перестать гордиться Великой Отечественной войной. Согласиться с этим не могу: память об этой войне, о крови, которой она потребовала, о славной Победе останется в народе навсегда.

В это верю.

ВИЛЬ РУДИН

Апрель 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

П. Ворошилов. Сибирские стрелковые	7
В ружье!	7
За нами Москва	19
Битва на Волге	34
На закрытых позициях	49
Дорогами побед	60
Подвиг, отлитый в бронзу	69
В. Рудин. Солдат божьей милостью	79
Сталинград	84
Курская дуга	95
Бригада — гвардейская, Речицкая, минометная	109
Операция «Багратион»	124
«За нашу и вашу свободу!»	139
Между Вислой и Одером	151
На Берлин!	163

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ...

**Петр Семенович Ворошилов
Сибирские стрелковые**

**Виль Григорьевич Рудин
Солдат божьей милостью**

**Литературный редактор Н. В. Антонова
Художник А. С. Ротовский
Художественный редактор Д. Д. Дмитриев
Редактор издания Б. С. Жарков**

Н/К

Сдано в набор 21.10.1992 г. Подписано в печать 23.12.1992 г. Формат издания 84×108^{1/32}. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Объем 11,46 уч.-изд. л. Тираж 1500 экз. Цена «С»
Изд. № 84.

Адреса издательства и типографии: 650099, г. Кемерово, улица Ноградская, 5.

Кемеровское областное издательство «Притомское».

Кемеровский полиграфкомбинат. Заказ № 2812.

25-00

